

Торквато Тассо. Иоганн Вольфганг Гёте

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Альфонс Второй — герцог Феррарский.

Леонора д'Эсте — сестра герцога.

Леонора Санвитале — графиня Скандиано.

Торквато Тассо.

Антонио Монтекатино — государственный секретарь.

Место действия — в увеселительном замке Бельригардо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Садовая площадка, украшенная бюстами эпических поэтов. Впереди сцены справа Вергилий, слева Ариост.

Принцесса. Леонора.

Принцесса

С улыбкой на меня, Элеонора,

Ты смотришь и, взглянувши на себя,

Смеешься вновь. О, что с тобой, подруга?

Ты и задумчива и весела.

Леонора

Я вижу с удовольствием, княжна,

Обеих нас среди сельской тишины.

Беспечны, как счастливые пастушки,

Мы заняты веселою работой,

Мы вьем венки. Пестреющий цветами,

Простой венок растет в моей руке.

Тебе ж, с умом возвышенным и сердцем,

Приличен этот нежный, стройный лавр.

Принцесса

Сплетенный мной в раздумий венец

Себе чело достойное находит,

Я в дар Вергилию его несу.

(Увенчивает бюст Вергилия.)

Леонора

Венчаю полным, радостным венком

Твое чело, учитель Людовико.

(Увенчивает бюст Ариоста.)

Ты, чье неувядаемо веселье,

Прими участие в празднике весны.

Принцесса

Как мило с нами поступил мой брат,

Что нас послал в деревню эти дни,

Мы можем вместе целые часы

О веке золотом поэтов грезить.

Люблю я Бельригардо; здесь в веселье

Я проводила молодости дни,

И эта зелень юная и солнце

Дают мне чувство прошлого на миг.

Леонора

Да, здесь нас окружает новый мир!

Отраднa тень дерев вечнозеленых,

Прохладного источника журчанье

Нас освежает, молодые ветви

Колышутся от утреннего ветра,

С душистых гряд приветливо цветы

Глазами детскими на нас глядят,

Уже садовник смело отворил

Теплицы померанцев и лимонов.

Покоится над нами синий свод,

На горизонте чуть белеет снег

Далеких гор, переходя в туман.

Принцесса

Приход весны мне был бы так желанен,

Когда бы он не отнимал подругу.

Леонора

Княжна, о том, что мы должны расстаться,

Не вспоминай в отрадный этот час.

Принцесса

То, что теряешь, ты найдешь вдвойне

В том городе большом, куда поедешь.

Леонора

Меня зовет обязанность моя —

Любовь к супругу, ждущему давно.

Ему везу я сына, что возрос

За этот год и развился так быстро,

И я делю отеческую радость.

Флоренция прекрасна, велика,

Но всех ее сокровищ не сравнишь

С Феррары драгоценными камнями.

Народом был воздвигнут город тот,

Феррару же возвысили князя.

Принцесса

Скорее люди добрые, что здесь,

Случайно встретившись, соединились.

Леонора

Но случай разрушает, что собрал,

И только благородный человек

Влечет к себе, связуя благородных.

Твой брат и ты объединили души,

Достойные обоих вас, как вы

Достойны ваших предков благородных.

Здесь был зажжен науки чистый свет,

Свободной мысли, в дни, когда кругом

Скрывало варварство тяжелым мраком

Печальный мир, и уже в детстве мне

Звучало имя Геркулеса Эсте

И Ипполитом полон был мой слух.

Феррара, как Флоренция и Рим,

Моим отцом была ценима! Часто

Сюда стремилась я, и вот я здесь,

Где был Петрарка принят и любим,

Где образцы созданий Ариоста.

Ведь нет в Италии имен великих,

Кто б не был гостем принят в этот дом,

Нам выгодно бывает гения

Принять: ведь за гостеприимство он

Нам воздаст сторицею всегда.

Места, где жил великий человек,

Священны: через сотни лет звучат

Его слова, его деянья — внукам.

Принцесса

Коль внуки живо чувствуют, как ты,

Завидую тебе я в этом счастье.

Леонора

Которое так чисто, как никто,

Вкушаешь ты. От сердца полноты

Хочу сказать, что чувствую так живо:

Ты глубже чувствуешь, и ты молчишь,

Тебя мгновенья блеск не ослепит,

Тебя остроты не подкупят, лесть

Вотще, ласкаясь, льнет к твоим ушам,

Твой разум тверд, безукоризнен вкус,

К великому участие велико,

Которое ты знаешь, как себя.

Принцесса

Ты не должна утонченную лесть

Рядить в наряд доверия и дружбы.

Леонора

Нет, дружба справедлива, лишь она

Вполне твои достоинства оценит.

Допустим, что в развитии твоём

Участвовали счастье и случайность.

В конце концов ты овладела им:

Тебя с твоей сестрою чтит весь мир

Как величайших женщин в наши дни.

Принцесса

Мне это безразлично, Леонора,

Когда подумаю, как ничтожны мы.

Тем, что он есть, другим обязан каждый.

И знаньем древних языков, и лучшим,

Что мы имеем, матери мы нашей

Обязаны, но с ней в уме и знанье

Нельзя сравнить обеих дочерей,

А если сравнивать, то надо мною

Сестра Лукреция одержит верх,

Могу тебя уверить, никогда

Я не считала собственностью то,
Что мне дано природою и счастьем.
Людей разумных слыша разговоры,
Я рада, что могу понять их мысли.
О человеке ль из былых времен
Ведется речь и подвигах его
Иль о науке, что путем познания
Растет все шире, пользу человеку
Всегда приносит, возвышая ум, —
О чем ни шел бы умный разговор,
Слежу за ним, и это мне нетрудно.
Я слушаю охотно умный спор,
Когда о силах, что волнуют грудь
Так сладостно и страшно в то же время,
С изяществом оратор говорит,
Когда желанье славы у князей
И жажда обладанья — матерьял
Мыслителю дает, и тонкий ум
Высокоразвитого человека
Нас поучает, не вводя в обман.
Леонора
И после этих важных разговоров
Внимать мы любим слухом и умом
Стихам поэта, что нам в душу льет
Заветные и дорогие чувства,
Звучащие мелодией любви.
Владеет царством твой высокий дух,
А мне всего милей волшебный остров
Поэзии среди лавровых роц
Принцесса
У нас в стране, как говорили мне,
Растет охотнее других деревьев
Прекрасный мирт. И если много муз,
То люди редко ищут между ними
Себе подруг, чтоб разделить забавы,
Но жаждут все поэта повстречать.
Он избегает нас, бежит от нас,

Он ищет то, чего мы все не знаем.

Чего, быть может, он не знает сам.

Но если нас он встретит в добрый час,

Он нас признает, быстро восхищен,

За то сокровище, что он искал

Так долго и бесплодно на земле.

Леонора

Должна я с этой шуткой согласиться,

Она меня задела, но слегка.

Я каждого лишь по заслугам чту,

И к Тассо только справедлива я.

Едва скользит он взором по земле,

Он внемлет ухом голосам природы;

Что нам дают история и жизнь,

Его душа воспринимает жадно.

Что было врозь, связует он умом

И мертвое одушевляет чувством.

Порой облагораживает он

То, что для нас казалось повседневным;

Блуждает в собственном кругу волшебном

Чудесный человек, и нас влечет

Бродить с ним вместе, быть его друзьями.

Он кажется нам близким, но далек,

На нас как будто смотрит он, но могут

Над нами духи грезиться ему,

Принцесса

Поэта тонко ты обрисовала,

Что в царстве грезы сладостной живет.

Но думаю, что и действительность

Его влечет к себе и крепко держит.

Прекрасные стихи, что мы находим

Привешенными на деревьях наших,

Подобно золотым плодам Гесперии,

Благоуханьем веющие, — что же

Как не плоды действительной любви?

Леонора

Я также этим радуюсь листкам.

Единый образ прославляет он

На все лады в своих стихотвореньях.

Его подняв до неба звездного,

В сияющую славу, богомольно

Он перед ним склоняется, как ангел

Над облаком; он бродит по лугам

И все цветы собирает для венка.

Во дни разлук он освящает след,

Оставленный прекрасною ногой.

Таясь в кустах, подобно соловью,

Он полнит из большой любовью груди

Рыданьем жалоб воздух и леса.

Чарующая грусть его манит

Всеобщий слух, и все сердца должны...

Принцесса

И если надо милую назвать,

Он назовет ее Элеонора.

Леонора

Да, так зовут тебя, как и меня,

Другое имя было б мне обидно.

Я рада, что свою любовь к тебе

Он может так двусмысленно скрывать

И что он помнит также обо мне

При милом звуке этом: Леонора.

Ведь здесь вопрос идет не о любви,

Которая желает для себя

Владеть возлюбленною и ревниво

Ее от всех других оберегает.

Когда в блаженном созерцанье он

Тобою занят, может в то же время

Пленяться мной, беспечным существом.

Прости меня! Но верь: не нас он любит,

Из сфер других он перенес любовь

На имена, которые мы носим,

И с нами делит чувство. Мы, как будто

Любя мужчину, любим вместе с ним

Лишь высшее, что может быть любимо.

Принцесса

В прекрасную науку углубись,

Ты вещи говоришь, Элеонора,

Которые мне задевают ухо,

Не проникая до моей души.

Леонора

Ты ль не поймешь, Платона ученица,

То, что болтать дерзает новичок?

Возможно, что я сильно ошибаюсь,

Но все же ошибаюсь не совсем.

По этому прекрасному ученью

Любовь не есть капризное дитя,

Но юноша, вступивший в брак с Психеей,

Имеющий в собрании богов

Свой трон и голос. Не порхает он

Из груди в грудь, он не стремится жадно

Лишь к чувственной, телесной красоте

В обмане сладком и не искупает

Мгновенный хмель досадой и тоской.

Принцесса

Идет мой брат. Не дай ему заметить,

Куда опять склонился разговор!

Пришлось бы пережить его насмешки,

Уж он одежды наши осмеял.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Альфонс.

Альфонс

Ища везде, не нахожу я Тассо

И не встречаю даже здесь у вас.

Не можете ль вы мне о нем поведать?

Принцесса

Его мельком я видела вчера.

Альфонс

Он издавна привык предпочитать

Уединенье обществу людей,

Могу простить ему, что от толпы

Он убегает, любит на свободе

С своей душой беседовать в тиши,

Но похвалить его я не могу,

Что он бежит от дружеского круга.

Леонора

Коль я не ошибаюсь, скоро, князь,

Упреки ты заменишь похвалами.

Я видела его издалека

Сегодня, с книгой шел он и писал.

Из слов, что он вчера мне быстро бросил,

Я думаю, что труд его закончен.

Теперь ему осталось лишь исправить

Немного, чтоб милости твоей

Преподнести достойное творенье.

Альфонс

Да, если он его преподнесет,

То он себя надолго оправдает.

Чем больше я участия принимаю

В его работе, чем отрадней мне

Великий труд, тем больше нетерпенье

В моей душе он множит с каждым днем.

Не может он закончить и отделать,

Меняет, медленно идет вперед,

Стоит на месте, губит все надежды.

Отсрочка наслажденья тяжела,

Которое нам близким представлялось.

Принцесса

А я хвалю и скромность и старанье,

С какими он идет за шагом шаг.

В единое благоволеньем муз

Стекаются столь многие напевы,

И вдохновенья ждет его душа.

Он должен округлить свою норму,

Он громоздить не хочет баснословья,

Которые обманывают нас

Бренчаньем слов, красивых, но ничтожных.

Оставь его, мой брат! Прекрасный труд

Не временем должны мы измерять,

Услада он для будущих веков,

И надо позабыть про современность.

Альфонс

Так будем вместе действовать, сестрица,

Как к нашей пользе делали не раз.

Смиряй мой пыл, когда я слишком рьян,

Я ж подгоню, где слишком ты мягка,

И так его, быть может, наконец

Увидим скоро мы достигшим цели,

Должны отечество и целый мир

Творению такому удивиться.

Я, славу разделяющий его,

В действительную жизнь его введу.

Образоваться в слишком тесном круге

Не может благородный человек.

Он должен выносить хулу и славу

И под влияньем родины и мира

Познать других и самого себя.

Его уединенье не лелеет.

Не хочет враг щадить, а друг — не должен.

Пусть юноша в борьбе растет и крепнет,

Чтоб ощутить мужчиною себя.

Леонора

Все для него готов ты сделать, князь,

Как уже много сделал до сих пор.

Таланты образуются в покое,

Характеры — среди житейских бурь,

О, если б душу он образовал

По твоему уменью! Не бежал бы

От всех люден и склонность к подозренью

Не превратилась в ненависть и страх.

Альфонс

Не знающий людей боится их,

А кто бежит от них, их знать не может,

Вот так и с ним: свободная душа

Становится опутанной и пленной.

Заботится о милости моей

Он более, чем надо, против многих

Питает подозренье, но я знаю,

Что не враги они ему. Случись,

Что пропадет письмо или на службу

Его слуга к другому перейдет,

Бумагу ль он случайно потеряет,

Сейчас же видит умысел и кознь,

Подкапыванье под его судьбу.

Принцесса

Мой милый брат, возможно ль человеку

Отделаться от самого себя?

Ведь если друг, гуляя с нами вместе,

Себе поранит ногу, не должны ли

Мы медленней идти и протянуть

Ему с любовью руку?

Альфонс

Было б лучше,

Когда б могли мы вылечить его

По указанью верному врача

И с исцеленным весело потом

Пошли дорогой новой, свежей жизни.

Но я надеюсь, милая моя,

Что не придется быть врачом суровым.

Я делаю все, что могу, чтоб влить

Доверчивость и мир в больное сердце.

При обществе ему я выражаю

Мое благоволение. Если он

Пожалуется, разбираю дело,

Как, например, когда вообразил он,

Что комнату его взломали. Если

Ничто не обнаружится, спокойно

Даю понять, в чем дело. Так на Тассо

Я упражнять терпение учусь,

И вы со мной, я знаю, заодно.

Я вас привез в деревню и обратно

Сегодня вечером уеду в город.

Антонио здесь будет на мгновенье;

Он — на пути из Рима и заедет

За мной. Мы с ним должны договориться

О многом, написать немало писем.

Все это в город требует меня.

Принцесса

Ты нам сопровождать тебя позволишь?

Альфонс

Останьтесь в Бельригардо, прогуляйтесь

В Консандоли вдвоем! И на свободе

Прекрасным этим наслаждайтесь днем.

Принцесса

Не можешь ты остаться с нами? Разве

Нельзя и здесь, как в городе, работать?

Леонора

Увозишь ты Антонио от нас,

Который должен рассказать о Риме?

Альфонс

Так не выходит, дети, но обратно,

Возможно, скоро мы вернемся с ним.

Тогда он вам расскажет, вы же мне

Должны помочь его вознаградить:

Он трудится так много для меня.

Когда же мы вполне наговоримся,

Пускай сюда приходит рой прелестный,

Чтобы в садах веселье разлилось,

Чтобы и мне во мгле прохладной сени

Желанную красотку повстречать.

Леонора

О, мы на это поглядим сквозь пальцы.

Альфонс

И я умею тем же отвечать.

Принцесса

(поворачиваясь лицом к сцене)

Давно я вижу Тассо. Он ступает

Так медленно, порою неподвижно

Вдруг остановится, замедлив шаг,

Идет опять поспешно и опять

Стоит на месте.

Альфонс

Мыслит он и грезит,

Оставьте же его бродить в мечтаньях.

Леонора

Нет, он увидел нас, идет сюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же. Тассо.

Тассо

(с книгой, переплетенной в пергамент)

Мой труд преподнести тебе я медлил

И с трепетом его тебе вручаю.

Что он не завершен, я слишком знаю,

Пусть он законченным казаться может.

Хоть не хотелось мне незавершенным

Тебе вручить его, но вот пришла

Забота, чтобы ты не счел меня

Чрезмерно мнительным, неблагодарным.

Как может человек сказать: «Я здесь»,

Чтобы друзьям своим доставить радость,

Так я могу сказать одно: «Прими!»

(Он передает том.)

Альфонс

Меня ты изумляешь этим даром

И в праздник превращаешь этот день.

Итак, в моих руках его держу я

И наконец могу назвать моим!

Я долго ждал, чтобы ты мог решиться

Промолвить: «Вот! Я удовлетворен».

Тассо

О, если вы довольны, он закончен;

Он в полном смысле вам принадлежит.

Смотря на труд, упорный и усердный,

И на черты прилежного пера,

Я мог бы эту вещь назвать моей.

Но, всматриваясь ближе в то, что песням

Достоинство и цену придает,

Я признаю, что это лишь от вас.

Хоть наделил дарами песнопенья

Меня природы щедрой произвол,
Но счастье своенравное меня
Прочь от себя жестоко оттолкнуло.
Едва пред взором мальчика раскрылся
Прекрасный мир со всею полнотой,
Как омрачила юношеский ум
Родителей возлюбленных беда.
Едва уста для пения раскрылись,
Как полилась глубокой скорби песнь,
И вторил я чуть слышными тонами
Скорбям отца и матери тоске.
Лишь ты один из этой тесной жизни
Меня возвел к свободе и красе,
Ты устранил заботы от меня,
Свободу дал, чтобы душа моя
Могла раскрыться в мужественной песне.
И если труд мой значит что-нибудь,
Я этим всем вам одному обязан.

Альфонс

Вторично ты достоин похвалы,
Ты скромно честь воздал себе и нам.

Тассо

О, если б мог я высказать, как живо
Я чувствую, что всем обязан вам!

Бездеятельный юноша — иль взял

Он из себя поэзию? Веденье

Умелое войны — он сам придумал?

Искусство брани, что в урочный час

Выказывает с мужеством герой,

Отвагу рыцарей и ум вождей,

Как бдительность с коварством входит в спор,

Не ты ли мне, разумный, храбрый князь,

Все это влил, как будто бы ты был

Мне гением, которому отрадно

Все то, что в нем высоко, непостижно,

Разоблачить чрез смертное творенье?

Принцесса

Так наслаждайся радостным трудом!

Альфонс

И радуйся рукоплесканью добрых!

Леонора

Всеобщей славой радуйся, мой друг!

Тассо

Я этим мигом удовлетворен.

Я думал лишь о вас, когда я пел:

Вам угодить — была моя мечта.

Вас усладить — заветнейшая цель.

Тот, кто не видит мир в своих друзьях,

Не заслужил, чтоб мир о нем слышал.

Здесь родина моя, здесь милый круг,

Где любит пребывать моя душа.

Я вслушиваюсь здесь во все слова,

Здесь говорят мне опыт, знанье, вкус;

Потомство, мир я вижу пред собой.

Бежит художник в страхе от толпы:

Лишь тем дано судить и награждать,

Кто с вами в чувствах схож и в пониманье.

Альфонс

Когда мы о потомстве говорим,

То поучать не подобает праздно.

Я вижу знак, почетный для певца,

Что сам герой на голове его

Без зависти способен видеть: здесь

Он предка твоего чело венчает.

(Указывает на бюст Вергилия.)

Случайно это, или гением

Сплетен он и возложен? Только здесь

Он — не напрасно. Говорит Вергилий:

«Что чтите мертвых? Ведали они

Еще при жизни радость и награду;

И если вы теперь дивитесь им,

То и живым почтенье воздавайте.

Давно увенчан мраморный мой лик,

Живым принадлежит зеленый лавр».

Делает знак своей сестре, она снимает венок с бюста Вергилия и приближается к Тассо. Он отступает.

Не хочешь ты? Подумай, чья рука

Тебе венок нетленный предлагает!

Тассо

Помедлить дайте! Не могу постичь,

Как жить я дальше буду с этих пор.

Альфонс

Прекрасным этим даром наслаждаясь,

Которым ты испуган в первый миг.

Принцесса

(поднимая венок вверх)

Какую радость ты даешь мне, Тассо,

Сказать тебе без слов о том, что мыслю.

Тассо

Смиренно принимаю на коленях

Прекрасный дар из дорогой руки.

Опускается на колени, принцесса возлагает на него венок.

Леонора

(рукоплеща)

Да здоровствует увенчанный впервые!

Как мужу скромному пристал венок!

Тассо встает.

Альфонс

Но это лишь того венца прообраз,

Что ждет на Капитолии тебя.

Принцесса

Там громкие тебя приветы встретят,

Здесь дружбы славят тихие уста.

Тассо

О, с головы моей его снимите,

Возьмите прочь! Он волосы сжигает!

Как солнца луч, что слишком горячо

Палит чело, он у меня в мозгу

Сжигает силу мысли. В лихорадке

Клокочет кровь. Простите! Это слишком!

Леонора

Напротив, эта ветвь хранит главу

Того, кто бродит в жарких странах славы,

И охлаждает воспаленный лоб.

Тассо

Я недостойн чувствовать прохлады,

Лишь над геройским веющей челом,

Венок возьмите, боги, в облака,

Чтобы он там сиял, паря все выше

И недоступнее! Чтоб к этой цели

Блужданьем вечным жизнь моя была!

Альфонс

Умеет тот, кто рано приобрел,

Ценить златые блага этой жизни;

Кто рано насладился, добровольно

Не бросит то, чем он уже владел;

Кто овладел, тот будь вооружен.

Тассо

Он должен силу чувствовать в груди,

Не изменяющую никогда.

Она меня покинула теперь,

В минуту счастья! Твердо я встречал

Доселе горе, гордо принимал

Несправедливость. Или радость мне

И этого мгновения восторг

Былую силу в членах угасили?

Колени подгибаются! Принцесса,

Смотри, я вновь склоняюсь пред тобой!

Услышь мою мольбу; сними венок!

Чтоб я, проснувшись от прекрасных грез,

Почувствовал биенье новой жизни.

Принцесса

Коль свой талант, прекрасный дар богов,

Умеешь тихо, скромно ты нести,

Учись носить и эту ветвь, она

Прекраснее всего, что дать мы можем.

До чьей она коснулась головы,

Над тем парить она уж будет вечно.

Тассо

Я пристыжен, позвольте мне уйти

И счастье скрыть мое в глубокой роще,

Где прежде я скрывал свою печаль!

Там буду я бродить, мне не напомнит

О счастье незаслуженном никто.

Источник светлый в зеркале прозрачном

Покажет мне, как некий человек,

Увенчан дивно, ясно отражен

Среди небес, деревьев, меж утесов,

Покоится задумчиво; мне мнится,

Что вижу я Элизий на волшебной

Поверхности. Я тихо вопрошаю:

Кто это? Юноша ли одинокий

Из времени былого? Он — в венке?

Как звать его? Чем заслужил венок?

Я долго жду и думаю: пускай

Придет другой и третий, чтобы с ним

Соединиться в дружеской беседе!

О, если б мне героев и поэтов

Былых времен у этих струй увидеть,

И здесь соединенных неразрывно,

Как были связаны они при жизни

Как вяжет силой дивною магнит

Со сталью сталь, так связывает крепко

Один порыв героя и поэта.

Гомер себя не помнил, созерцая

Двоих мужей в течение долгой жизни,

И Александр в Элизии спешит

Скорей найти Ахилла и Гомера.

О, если б мог присутствовать я там,

Чтоб созерцать союз их душ великих!

Леонора

Проснись! Проснись! Почувствовать не дай нам,

Что ты о настоящем позабыл.

Тассо

О нет: оно возвысило меня,

Отсутствующим только я кажусь,

Принцесса

Я рада, что, беседуя с духами,

Так человечески ты говоришь.

Паж подходит к князю и тихо докладывает ему что-то.

Альфонс

Приехал он! Как вовремя явился

Антонио! Веди его. Вот он!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Антонио.

Альфонс

Добро пожаловать! Ты нам с собою

Приносишь вести добрые.

Принцесса

Привет!

Антонио

Едва сказать дерзаю, что за радость

Меня живит, когда я вижу вас.

Я перед вами обретаю снова

То, в чем давно нуждался. Вы довольны,

Как кажется, тем, что исполнил я,

И я вознагражден за все заботы,

За много дней тяжелых ожиданий,

Хлопот и нетерпенья. Мы имеем,

Чего желали: распри больше нет.

Леонора

Привет тебе, хоть я уже сердита:

Ты здесь как раз, когда мне надо в путь.

Антонио

Тогда мое не будет счастье полным,

Ты отняла его большую часть.

Тассо

И мой привет! Мне будет счастьем близость

С тем, кто так много в жизни испытал.

Антонио

Поверь, меня правдивым ты найдешь,

Из мира своего взглянув на мой.

Альфонс

Хотя уж ты докладывал мне в письмах,

Что сделал ты и как все это вышло,

Тебя о многом расспросить я должен.

Каким путем уладил дело ты?

На этой дивной почве каждый шаг

Размерен должен быть, чтоб наконец

Мы к цели собственной своей пришли.

Кто предан государю своему,

Тому бывает в Риме тяжело:

Рим хочет взять и ничего не дать;

Придя туда, чтоб получить хоть малость,

Порой не получают ничего,

И счастье — получить хоть что-нибудь.

Антонио

Нет, не моим искусством, государь,

Я выполнил желание твое.

Кто так умен, чтоб не дал Ватикан

Учителя ему? Соединилось

Здесь многое, что служит нашей пользе.

Григорий чтит тебя и шлет привет

С благословеньем. Старец, столь достойный

Носить венец, тебя в свои объятья

Рад заключить. Людей распознавая,

Тебя он ставит очень высоко,

И для тебя уже он много сделал.

Альфонс

Я добрым мнением его польщен,

Коль искренне оно. Но знаешь ты,

Что Ватикан глядит на государства,

У ног его лежащие, с презреньем,

Тем более на смертных и князей.

Но что ж тебе, признайся, помогло?

Антонио

Коль хочешь знать — высокий папы ум.

Он мелочам не придает значенья;

Чтоб властвовать над миром, он готов

Своим соседям уступить охотно.

И, отдавая пограничный край

Тебе, ценить твою умеет дружбу.

Италия должна спокойной быть.

Он хочет мира на своих границах,

Друзей в своем соседстве, чтобы мощь

Христовой церкви, коей правит он,

Внушала страх еретикам и туркам.

Принцесса

Каких людей особенно он ценит?

Кому дарит доверие свое?

Антонио

Лишь к опытным он приклоняет слух,

Лишь к деятельным он благоволит.

Служивший государству с юных лет,

Он им теперь владеет, на дворы

Влияет те, что раньше как посол

Он видел, знал и часто направлял.

Пред взорами его так ясен мир,

Как интересы папского двора.

В дни деятельности всеми он хвалим,

И рады все узнать в урочный час

То, что в тиши готовил долго он.

Нет зрелища прекрасней на земле,

Чем правящий разумно государь,

Чем край, где каждый — с гордостью послушен,

Где каждый мнит, что служит сам себе,

Где ведено лишь то, что справедливо.

Леонора

Как страстно я б хотела этот мир

Увидеть близко!

Альфонс

Чтоб в него вмещаться?

Не будет Леонора никогда

Смотреть — и только! Милая подруга,

Недурно было б нежными руками

В игру великую вмещаться — так ли?

Леонора

(к Альфонсу)

Меня ты дразнишь. Не удастся, нет.

Альфонс

Я пред тобой за прошлое в долгу.

Леонора

А я в долгу перед тобой сегодня!

Прости и не мешай моим вопросам,

А много ли он сделал для родных?

Антонио

Не меньше и не больше, чем должны

Властители: коль помогать своим

Они не станут, будет сам народ

Их порицать. Умеренно родным

Григорий помогает, и они

Поддерживают государство. Так

Он две обязанности исполняет.

Тассо

А так же ль покровительствует он

Наукам и искусствам? С тем же ль рвением,

Как славные князья былых времен?

Тассо

Он чтит науку, видя средство в ней,

Чтоб управлять и узнавать народ;

Искусство ценит он, поскольку им

Украшен Рим: его дворцы и храмы

Дивят весь мир чудесной красотой.

Нет места праздности в соседстве с ним!

Служить и действовать обязан всякий.

Альфонс

Но думаешь ли ты, что скоро мы

Окончим дело? Что в конце концов

Они нам не наделают препятствий?

Антонио

Я в сильном заблужденье нахожусь,

Коль с помощью твоих немногих писем

Навек не прекратится эта распря.

Альфонс

Я эти жизни дни благословляю,

Они несут мне счастье и успех.

Расширены мои границы, я

Уверен в будущем. Ты это сделал

Без помощи меча, венок гражданский

Ты заслужил. Прекрасным этим утром

Тебе венок из зелени дубовой

Пусть на чело возложат наши дамы.

Меня меж тем обогатил и Тассо:

Иерусалим для нас завоевал он

И посрамил всех новых христиан,

Далекая возвышенная цель

Достигнута стараньем и борьбой,

И видишь ты увенчанным его.

Антонио

Ты разрешил загадку. С удивленьем

Я двух увенчанных увидел здесь.

Тассо

Когда ты видишь счастье мое,

То я б желал, чтоб тот же самый взор

Увидел стыд души моей смятенной.

Антонио

Уж мне давно известно, что в наградах

Альфонс не знает меры, испытал

Ты то, что мы испытываем все.

Принцесса

Узнав его творенье, ты найдешь,

Что были мы умеренны и правы.

Мы — первые свидетели восторгов,

Которыми его встречает мир,

Которым суждено расти в грядущем.

Антонио

С него довольно вашей похвалы.

Раз вы одобрили, то места нет

Сомнениям. Но кем сплетен венок

Для Ариоста?

Леонора

Этою рукой.

Антонио

Как он хорош! Он украшает так,
Как самый лавр его бы не украсил.
Да, как природа покрывает грудь
Зелено-пестрою одеждой, он
Все то, что может сделать человека
Достойным уваженья и любви,
Цветущей ризой вымысла облек.
Довольство, опыт трезвый, ясный ум,
Могучий дух, изящный вкус, влечение
К спокойному и чистому добру
Являются в его прекрасных песнях,
В тени деревьев, цветов легчайшим снегом
Осыпаны, увенчаны венками
Душистых роз, окружены волшебю
Амуров прихотливою игрой.
И изобилья ключ играет рядом,
Давая видеть в нем чудесных рыб.
И редких птиц прозрачный воздух поли,
Луга и рощи — незнакомых стад.
Подслушивает, в зелени таясь,
Лукавый смех, и истины глаголы
Из золотого облака звучат;
Безумие на лютне сладкогласной
Порой издать готово звук глухой,
Но сдержано гармонией и мерой!
Кто выступить решился рядом с ним,
Уже за смелость заслужил венок.
Простите, что я так одушевился:
Я не считаюсь с временем и местом
И сам не знаю, что я говорю.
Ведь эти все поэты, эти лавры,
Одежды праздничные дам прекрасных
Меня ведут в чужую мне страну.
Принцесса
Кто может так ценить один талант,
Не может не признать другого. Ты

Когда-нибудь укажешь в песнях Тассо

То, что тебе доступно одному.

Альфонс

Пойдем со мной, Антонио! Тебя

Я расспросить хочу еще о многом.

Потом ты будешь до захода солнца

В распоряженье женщин. Так идем!

Антонио следует за князем, Тассо за дамами.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ЗАЛА

Принцесса. Тассо.

Тассо

Я неуверенно иду, княжна,

Тебе вослед, и смутных мыслей рой

В моей душе несется в беспорядке,

Меня уединение манит

И шепчет мне: приди, и я развею

Сомненья, вставшие в твоей груди.

Но только на тебя я брошу взгляд,

Звук уст твоих поймаю чутким слухом,

Кругом меня сияет новый день,

И все оковы падают с меня.

Тебе признаюсь я, что человек,

Пришедший неожиданно, меня

От чудных грез сурово пробудил;

Все существо его и все слова

Меня так поразили, что себя

Я чувствую раздвоенным, и вновь

Моя душа в борьбе сама с собой.

Принцесса

Да, невозможно, чтобы старый друг,

Что долго жил вдали иною жизнью,

В тот миг, когда он видит нас опять,

Таким же оказался, как и был.

Конечно, он внутри не изменился,
И пусть немного он побудет с нами,
В нем зазвучат те и другие струны.
И все их счастливо соединит
Гармония. Когда поближе он
Узнает то, что ты осуществил
За это время, он тебя поставит
С тем наравне, кого, как великана,
Тебе противопоставляет он.
Тассо
Ах, эта Ариосту похвала
Из уст его была отрадна мне,
А не обидна. Что за утешенье
Нам узнавать про славу человека,
Которого мы чтим за образец!
Себе сказать мы можем тихомолком:
Прибрати хоть часть его достоинств,
И славы часть тебе принадлежит.
Нет, что глубоко сердце взволновало,
Чем и теперь полна моя душа,
То — образ мира чудного того,
Что быстро и неутомимо вокруг
Великого, мудрейшего из смертных
Вращается и круг свой совершает,
Что предписать дерзает полубог.
Я жадно слушал и впивал слова
Уверенные опытного мужа,
Но — ах! — чем глубже вслушивался я,
Тем больше пред собой самим я падал,
Боясь, как эхо гор, навек исчезнуть,
Как слабый отзвук, как ничто, погибнуть.
Принцесса
Ты живо чувствовал еще недавно,
Как тесно связаны герой с поэтом
И как они один другого ищут;
Завидовать не должен ни один.
Как ни прекрасны громкие дела,
Прекрасно также полноту деяний

Потомкам передать посредством песен.

С тебя довольно — в малом государстве,

Тебя хранящем, бурный мира бег,

Как с берега, спокойно созерцать

Тассо

Не здесь ли я увидел в первый раз,

Как награждают храбрых? Лишь пришел

Я мальчиком неопытным сюда,

Как этот праздничный турниров шум

Феррару вашу средоточьем чести

Мне показал. Какой блаженный мир!

Арену, на которой во всем блеске

Была должна теперь явиться храбрость,

Круг замыкал, какого солнца свет

Не озарит вторично никогда.

Там женщины прекрасные сидели

И первые вельможи наших дней.

По их рядам носился в изумленье

Мой взор; и слышалось: их всех сюда

Прислал их тесный, сжатый морем край,

Они все вместе образуют суд,

Который о заслуге и о чести

Последний произносит приговор.

Пройди ряды, и никого не встретишь,

Кто б мог стыдиться своего соседа!

И наконец раздвинулся барьер:

Чу, стук копыт, блестят щиты и шлемы,

Пажи столпились, грянула труба,

И копья затрещали, и, встречаясь,

Щиты и шлемы загудели, пыль

Окутала, мгновенно закружась,

Победы честь, сраженного позор.

О, дай пред этим зрелищем прекрасным

Мне опустить завесу, чтобы я

Не чувствовал в блаженный этот миг,

Как недостоин я и как ничтожен.

Принцесса

Коль этот круг и славные деянья
Порыв к труду в тебе воспламенили,
То я тебе могла, мой юный друг,
Урок терпенья тихий дать в то время.
Те праздники, которые ты славишь,
Что восхваляли сотни языков
Передо мной, я не видала их.
В том тихом месте, где звучал чуть слышно
Мне отголосок счастья и утех,
Чтоб замереть, пришлось мне много скорби
И много грустных пережить раздумий,
Там образ смерти надо мной парил,
Широкими крылами закрывая
Надежду на прекрасный новый мир.
Он только постепенно исчезал,
Давая мне увидеть краски жизни, —
Как сквозь покров, хоть тускло, но отрадно,
Вновь форм живых я видела движенье,
Поддержанная женщинами, я
Впервые поднялась с одра болезни.
Лукреция, полна цветущей жизни,
Явилась, за руку тебя ведя.
Ты первый был, кто в этой новой жизни,
Неведомой, навстречу вышел мне.
Надеялась я для обоих нас,
И та надежда нас не обманула.

Тассо

И я, людскою давкой оглушенный
И непривычным блеском ослеплен,
Волнуем бурей множества страстей,
По коридорам дремлющим дворца
С твоей сестрою молча рядом шел,
И только что ты в комнату вошла,
На женщин опираясь, о, какой
То был блаженный миг! Прости, прости!
Как исцеляет близость божества
Того, кто пьян безумною мечтой,
Так я от всех фантазий, ото всех

Моих страстей и ложных устремлений

Был исцелен, взглянув в твои глаза,

И если раньше тысяче предметов

Я страстное желанье расточал,

Я со стыдом опять пришел в себя,

Познав одно, достойное желаний.

Так тщетно ищут на морском песке

Жемчужину, которая, сокрыта,

Спокойно дремлет в тихой скорлупе.

Принцесса

Тогда пришли златые времена.

Не будь в то время герцогом Урбино

Взята от нас сестра, то наши годы

В безоблачном бы счастье потонули.

Но нам теперь недостает — увы! —

Ее веселья, бодрости беспечной,

Ее очаровательных острот.

Тассо

Я это слишком знаю: с той минуты,

Когда она уехала, никто

Не заменил тебе былую радость.

Как это грудь терзало мне! Не раз

Мою печаль вверял я тихой роще.

Ах, восклицал я, иль одна сестра

Была всем счастьем жизни для нее?

Иль нет сердец, достойных твоего

Доверия, и чувств, согласных боле

С твоей душой? Погасло ль остроумье?

И неужели женщина одна

Всем для тебя являлась? О, прости!

Порой я думал о себе, желая

Быть для тебя хоть малым чем-нибудь,

И не словами — делом я хотел

Тебе служить, доказывая в жизни,

Как это сердце предано тебе.

Но это мне не удавалось, я

Впадал в ошибки, часто оскорблял

Того, кто был тобой оберегаем,

Что разрешала ты, я только путал

И чувствовал, что только отдаляюсь,

Когда к тебе приблизиться хотел.

Принцесса

Не отрицала, Тассо, никогда

Я твоего желания и знаю,

Как ты себе вредишь усердно. Если

Моя сестра с людьми умеет жить,

То ты не можешь после стольких лет

Сдружиться с кем-нибудь.

Тассо

Брани меня!

Но укажи мне, где тот человек,

Та женщина, с которой, как с тобой,

Я мог бы говорить с открытым сердцем?

Принцесса

Доверься смело брату моему.

Тассо

Он — князь мой! Но не думай, что меня

Порыв свободы дикой надмевает.

Не для свободы люди рождены;

Для благородных больше счастья нет,

Чем быть слугами преданными князя,

Он — повелитель мой, я ощущаю

Во всем объеме силу этих слов,

И я молчу, когда он говорит,

И слушаюсь, хоть этому порой

Противятся рассудок мой и сердце.

Принцесса

Все это к брату применить нельзя.

Теперь мы и Антонио имеем,

Ты друга в нем разумного найдешь.

Тассо

Я сам так раньше думал, но теперь

Я сомневаюсь. Был бы мне полезен

Его совет! Ведь обладает он

Всем тем, что мне — увы! — недостает.

Но пусть все боги собрались с дарами,

Когда малюткой спал он в колыбели,

Но грации отсутствовали там.

А кто лишен даров красавиц этих,

Тот может много дать, владея многим,

Но на груди его не отдохнешь.

Принцесса

Ему поверить можно — это много.

Поверь, никто не может дать всего,

А этот даст все то, что обещает.

Как только станет другом он твоим,

Так он тебе придет на помощь сам.

Вы вместе быть должны. Я льщу себя

Надеждою устроить это скоро,

Но только не противься, как всегда.

И есть у нас еще Элеонора,

Она тонка, изящна, с ней легко

Живется. Ты не приближался к ней,

Как этого она сама хотела.

Тассо

Я слушался тебя, иначе б я

Не приближался к ней, а отдалялся.

Хоть кажется пленительной она,

Но, сам не знаю почему, лишь редко

Я мог с ней откровенным быть; хотя

Она друзьям добро желает делать,

Намеренность расстраивает все.

Принцесса

Идя таким путем, мы никогда

Людей не встретим, Тассо! Этот путь

Уводит нас сквозь заросли кустов

В спокойные и тихие долины,

И все растет стремление в душе

Век золотой, что на земле утрачен,

Восстановить хотя б в глубинах сердца,

Хотя попытка эта и бесплодна.

Тассо

О, что ты говоришь, моя княжна!

О, век златой! Куда он улетел?

О нем вотще тоскуют все сердца!

Тогда свободно люди на земле,

Как их стада, утехам предавались.

И дерево старинное над лугом

Давало тень пастушке с пастушком.

Младой кустарник гибкими ветвями

Любовников уютно обвивал,

И ясный ключ в своем песчаном лоне

Шальную нимфу нежно обнимал.

И в зелени испуганно терялась

Безвредная змея, и дерзкий фавн

Пред мужественным юношей бежал.

Тогда все птицы в воздухе свободном

И каждый зверь в удожьях и горах

Вещали: все позволено, что мило.

Принцесса

Но век златой давно прошел, мой друг:

Лишь добрым возвратить его дано.

И я тебе мои открою мысли:

Тот век златой, которым нас поэты

Прельщают, так же мало был златым,

Как этот век, в котором мы живем,

А если был он вправду, то для нас

Он и теперь восстановиться может.

И ныне встреча родственных сердец

Дает вкусить блаженство тех времен.

Но изменить должны мы твой девиз:

«Позволено лишь то, что подобает».

Тассо

О, если б благородными людьми

Произносился общий суд о том,

Что подобает! Но считают все

Пристойным то, что выгодно для них.

Мы видим, что для сильных и для умных

Нет непозволенного в этом мире.

Принцесса

Коль хочешь знать о том, что подобает,
То спрашивай у благородных женщин:
Им в высшей мере свойственна забота,
Чтоб все дела пристойно шли кругом.
Приличие стеною окружает
Чувствительный и нежный пол, и где
Царит мораль, там царствуют они.
Где правит дерзость, там они — ничто.
И здесь различье двух полов: мужчина
Свободы ищет, женщина — добра.
Тассо
Так, значит, мы бесчувственны, грубы?
Принцесса
Нет, вы стремитесь к отдаленным благам
И с силою стремиться к ним должны.
В вас дерзость есть для вечности работать,
Тогда как мы способны на земле
Иметь лишь ограниченное благо
И прочно им всегда владеть желаем.
Не можем верить мы мужскому сердцу,
Хоть отдалось оно нам горячо.
Проходит красота, а лишь она
Вам дорога, а то, что остается,
Уж больше не прельщает и мертво.
Когда бы сердце женское ценить
Могли мужчины, если б понимали,
Какой прекрасный клад любви до гроба
Бывает скрыт у женщины в груди,
Когда бы вы в душе своей хранили
Воспоминанье о часах блаженства,
Когда бы пронцательный ваш взор
Проник чрез ту завесу, что на нас
Набрасывает старость и болезнь,
И если б обладания покой
Не звал вас к новым, чуждым наслажденьям, —
Тогда для нас блеснул бы день прекрасный,
Мы праздновали бы златой наш век.

Тассо

Ах, разбудила ты в моей груди

Наполовину спавшие тревоги!

Принцесса

Что думаешь? Открыто говори.

Тассо

Слышал давно я и опять услышал

На этих днях, да я и сам так думал,

И не слыхав, что знатные князья

Твоей руки желают! Ожиданье

Приводит нас в отчаянье и страх.

Естественно, что ты нас покидаешь;

Но трудно это нам перенести.

Принцесса

Спокоен будь пока, и я почти

Могу сказать: спокоен будь навеки.

Охотно здесь я навсегда останусь,

Ничто меня из этих мест не манит;

Коль вы меня хотите удержать,

Живите дружно и самим себе

Создайте счастье, радуя меня.

Тассо

Учи меня возможное свершать!

Я посвятил тебе все дни и годы.

Когда тебя хвалить, благодарить

Я начал сердцем, понял в первый раз

Я чистое блаженство человека.

О, лишь в тебе постиг я божество!

Так отличаются земные боги

От всех людей, как промысел верховный

Отличен от сознания и воли

Людей умнейших. Ведь привычно им,

Когда мы видим ярость буйных волн,

Да многое не обращать вниманья,

Не слышать бури под ногами их,

Которая нас повергает в прах,

Не слышать наши жалкие моленья,

Как бедным детям, нам предоставлять

Стенаньями и криком полнить воздух.

Божественная, ты меня терпела,
Подобно солнцу, осушал твой взор

Очей моих соленую росу.

Принцесса

Да, это справедливо, что нашел

Ты в женщинах друзей, ведь прославляет
твоя поэма их на все лады.

Ты их умел достойными любви

И благородными всегда представить;

И пусть Армида ненавистна нам,

Ей все простишь за прелесть и любовь.

Тассо

За все, что в песнях отзвук находило,

Я лишь одной-единственной обязан!

Не образы туманные царили

Перед моим воображеньем, близясь

В сиянии и исчезая вдруг.

Я видел первообраз красоты

И добродетели перед глазами.

Что с ним согласно, то навек бессмертно:

Танкредова любовь к Кларинде, верность

Эрминии, сокрытая в тиши,

Величие Софронии, печаль

Олинда — это не мечты, не тени;

Они бессмертны, потому что есть.

И что достойней пережить столетья,

Влияя тихо на сердца, чем тайна

Любви возвышенной и благородной,

Прекрасной песни вверившей себя?

Принцесса

Сказать тебе, достоинство какое

Еще в себе имеет эта песнь?

Она к себе все более влечет;

Мы слушаем и нечто понимаем,

Что поняли, то порицать не можем,

И этой песнью мы покорены.

Тассо

Ты небо разверзаешь предо мной!

Не будь я этим мигом ослеплен,

Я б увидал, как в золотых лучах

Ко мне нисходит вечное блаженство.

Принцесса

Довольно, Тассо! Много есть вещей,

Доступных только бурному стремленью,

Другими же мы можем обладать

Лишь чрез умеренность и отречение.

И таковы любовь и добродетель,

Родные сестры. Это не забудь!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тассо

Дерзнешь ли ты теперь, поднявши взоры,

Взглянуть кругом? Да, ты теперь один!

Подслушали ли речь ее колонны?

Бояться ли ты будешь этих счастья

Свидетелей, свидетелей немых?

Восходит ярко солнце новой жизни,

И этот день с былыми несравним.

Богиня подымает до небес

Простого смертного, и новый мир

Пред взорами моими восстает!

Желанье жаркое награждено!

Я грезил, что к блаженству близок я,

Но это счастье превзошло все грезы.

Слепорожденный представляет свет

И краски так, как хочет, но когда

Увидит день, он весь преображен.

Я смело, пьяный счастьем, вступаю

На этот путь. Ты много мне даешь,

Как нам земля и небо расточают

Свои дары из щедрых рук, без меры,

И требуешь в ответ то, что по праву

Ты можешь требовать за дар великий.

Я должен быть умеренным, отречься,

Чтоб заслужить доверие твое.

Что сделал я, чтоб мог быть избран ею?

Что должен сделать, чтоб достойным быть?

Она тебе доверилась — и, значит,

Ты заслужил! Ее словам и взорам

Моя душа посвящена навек!

Всего, что хочешь, требуй, раз я твой!

Пошли меня опасностей и славы

Искать в далеких странах, протяни

Мне в тихой роще лиру золотую

Или пошли в награду мне покой, —

Я — твой, и делай из меня, что хочешь:

Сокровища души моей — твои.

О, если б некий бог мне даровал

И тысячу талантов, я б не мог

Благоговенье выразить мое.

Я кистью живописца и поэта

Устами сладкими, что вешним медом

Напитаны, хотел бы обладать!

Блуждать не будет Тассо среди деревьев

И среди людей, печальный, одинокий!

Он не один, отныне он с тобой.

О, если бы передо мной предстал

Прекрасный подвиг в грозном окруженье

Опасностей! Я б ринулся к нему

И жизнью бы рискнул, что из твоих

Имею рук, я лучших бы людей

Потребовал в товарищи себе,

Чтоб невозможное с толпой друзей

По твоему исполнить мановенью.

Я поспешил. Зачем мои уста

Не скрыли чувств, пока я недостоин

Упасть к ее возлюбленным ногам?

Я так хотел, намеревался так,

Но все равно: прекрасней много раз

Подарок получить не по заслугам,

Чем понемногу грезить до тех пор,

Пока его потребовать мы вправе.

Грядущее раскрылось вширь и вдаль,

И манит юность, полная надежды,

Тебя туда, где чудно и светло.

О, ширься, сердце! Счастия гроза,

Растенье это осчастливь! Оно

Уже стремится тысячью побегов,

Зацвествь готово, к чистым небесам.

Пусть принесет оно и плод и радость!

Пусть милая рука златой убор

Себе сорвет с богатых, свежих сучьев!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тассо. Антонию.

Тассо

Привет! Тебя как будто в первый раз

Теперь я вижу, и ничей приход

Мне не был столь же радостен. Я знаю

Теперь тебя, достоинства твои.

Тебе без колебаний предлагаю

И сердце я и руку, от тебя

Того же жду.

Антонию

Ты предлагаешь щедро

Прекрасные дары, я их ценю.

Но дай подумать, прежде чем принять их.

Не знаю я, могу ль тебе ответить

Таким же даром. Быть я не хочу

Поспешным слишком и неблагодарным.

Дай мне разумным быть за нас обоих.

Тассо

Кто порицает разум? Каждый шаг

Показывает, как он нам полезен.

Но ведь порой велит сама душа

Оставить мелкую предосторожность.

Антонию

Уж это дело наше: каждый сам

Свою ошибку будет искупать.

Тассо

Да будет так! Я выполнил мой долг,

Не пренебрег советами княжны,

Которая желает нашей дружбы.

Я ничего не буду брать назад,

Но не хочу настаивать. Быть может,

Со временем ты будешь горячо

Искать даров, которые теперь

Так холодно и гордо отклоняешь.

Антонио

Умеренность холодностью зовут

Нередко те, кто за тепло считают

Случайный, скоропреходящий пыл.

Тассо

Ты порицаешь то, что мне противно.

Я понимаю, как ни молод я,

Что длительность пеннее, чем порыв.

Антонио

Весьма умно! Держись же этих мыслей!

Тассо

И вправе ты советы мне давать,

Предостеречь, ведь опытность — твоя

Испытанная, верная подруга.

Но только знай, что сердце каждый час

Безмолвно внимлет предостереженьям

И тайно упражняет добродетель,

Которой строго учишь ты меня.

Антонио

Самим собою заниматься нам

Весьма приятно, но не столь полезно.

Ведь внутренне не может человек

Себя познать и часто мнит себя

То слишком малым, то — увы! — великим.

Лишь в людях можно познавать себя,

Лишь жизнь нас учит, что мы в самом деле.

Тассо

С почтением я слушаю тебя.

Антонио

И думаешь, внимая эти речи,

Совсем не то, что я хочу сказать.

Тассо

Таким путем мы не сойдемся ближе.

И не добросердечно, не умно

Заранее отвергнуть человека.

Он будет тем, что есть. Из слов княжны

Тебя легко узнал я в тот же миг:

Я знаю, что желаешь ты добра,

Творишь его. Забывши о себе,

Ты думаешь и помнишь о других,

И на волнах колеблющейся жизни

Ты сердцем тверд. Таким тебя я вижу.

Как мог я не пойти тебе навстречу

И не стремиться жадно разделить

Сокровище, хранимое тобой?

Ты не раскаешься, себя открывши,

И станешь другом мне, узнав меня,

А я давно в таком нуждаюсь друге.

Неопытности, юности моей

Я не страшусь: златые облака

Грядущего чело мне осеняют,

Прими, о благородный человек,

Меня на грудь и посвяти меня

В умеренное пользование жизнью.

Антонио

Ты требуешь в одно мгновенье то,

Что могут дать лишь время и старанье.

Тассо

В одно мгновение дает любовь

То, что не может дать и долгий труд.

Я не прошу, но требовать я должен.

Во имя добродетели к тебе

Взываю я, что хочет дружбы добрых, —

Произнесу ль ее именованье?

Надеется княжна Элеонора,

Она желает нас с тобой свести.

Пойдем ее желанию навстречу!

Предстанем же друзьями пред богиней,

Предложим ей всю душу и услуги,

Соединившись для достойных дел!

Еще раз! Вот моя рука! Ударь!

Не отступай и не противься боле

И мне даруй прекрасную усладу

Людей хороших — лучшему отдаться

Без удержу, с доверьем беспредельным!

Антонио

На всех ты парусах плывешь! Привык

Ты побеждать, повсюду находить

Широкий путь, растворенные двери.

Достоинств я твоих не отрицаю

И счастьем рад, но слишком вижу я,

Как далеко стоим мы друг от друга.

Тассо

Ты опытен и зрел, я ж никому

Не уступаю в мужестве и воле.

Антонио

Но воля не всегда ведет к делам,

И мужество путей кратчайших ищет.

Кто прибыл к цели, заслужил венец,

Порой его лишается достойный.

Но также есть и легкие венцы,

Венцы другого рода: можно их

Удобно получать и на прогулке.

Тассо

То, что дает богиня одному,

Другому в нем отказывая строго,

Не всякий может получить легко.

Антонио

Коль это ты приписываешь счастью,

Я соглашусь: ведь выбор счастья слеп.

Тассо

Повязку носит также справедливость

И закрывает взоры на обман.

Антонио

Всегда счастливый превозносит счастье!

Ему приписывает сотню глаз,
Разумный выбор, строгое старанье,
Совет Минервой, как-нибудь еще,
Наградю считает скромный дар,
Случайное — заслуженным убором.

Тассо

Ты высказался до конца. Довольно!
Я в сердце заглянул твоё и знаю
Тебя навек. О, если б знала так
Тебя княжна! Не расточай же стрелы
Твоих коварных глаз и языка!
Ты тщетно мечешь их! Не попадают
Они в неувядаемый венок.
Будь так велик, чтобы отринуть зависть!
Тогда мой лавр оспаривать ты можешь,
Я свято чту его; но покажи

Мне человека, что достиг того,
К чему стремлюсь я, укажи героя,
Знакомого нам только по преданьям,
Поэта укажи, кого сравнить
С Гомером и Вергилием возможно,
И, наконец, такого человека,
Кто трижды эти лавры заслужил,
Кому в три раза более, чем мне,
Их стыдно, и паду я на колени
Пред божеством, венчавшим мне главу;
Не прежде встану, чем она убор
С моей главы возложит на него.

Антонио

Ты заслужил их, можешь быть уверен.

Тассо

Я от суда не стану уклоняться,
Но я презрения не заслужил.
Меня мой князь признал венка достойным,
Он был сплетен рукой моей княжны,
Никто его оспаривать не смеет!

Антонио

Такой высокий тон и страстный жар

Тебе не подобают в этом месте.

Тассо

Мне подобает здесь все, что тебе.

Иль правда изгнана из этих мест?

Иль во дворце свободный дух закован,

Подавлен благородный человек?

Мне кажется, что здесь уместнее всего

Возвышенность души! К великим мира

Ужель она свой доступ не найдет?

Должна найти. Лишь благородство крови

Доселе приближало нас к князьям,

Но почему ж не чувство, что природой

Не в равной мере каждому дано,

Как и не всем — толпа великих предков?

Здесь робость чувствует одна ничтожность

И зависть, что сама себя срамит,

Как неприлично грязной паутине

Ползти по этим мраморным стенам.

Антонио

Ты дал мне право пренебречь тобой!

Мальчишка бойкий, силой ты хотел

Стяжать доверие и дружбу мужа?

Иль наглостью своей кичишься ты?

Тассо

То, что ты наглостью зовешь, милей,

Чем то, что я зову неблагородным,

Антонио

Достаточно ты молод, чтоб тебя

На добрый путь направить воспитаньем.

Тассо

Не так я юн, чтоб падать пред кумиром,

Довольно стар, чтобы давать отпор.

Антонио

Где губ игра и струн решает дело,

Ты — гордый победитель и герой.

Тассо

Хвалить не стану силу рук моих,

Она себя еще не доказала,

Но верю ей.

Антонио

Ты веришь в дерзость счастья,

Щадившего тебя до этих пор.

Тассо

Я чувствую теперь, что вырос я.

С тобой желал я менее всего

Игру оружия грозную изведать,

Но ты раздул во мне огонь, кипит

Вся кровь моя, болезненная жажда

Жестокой мести пенится в груди.

Когда ты смел, то выходи на бой!

Антонио

Ты позабыл, кто ты и где стоишь.

Тассо

Святылище не терпит оскорблений.

Ты этот храм поносишь и сквернишь.

Не я, кто шел тебе навстречу с даром

Доверия, почтения и любви, —

Твой дух грязнит прекрасный этот рай,

И чистый зал сквернят твои слова,

А не волненье сердца моего,

Что и пятна малейшего не терпит.

Антонио

Высокий дух в такой груди тщедушной!

Тассо

Здесь место есть, чтоб ей вздохнуть свободно!

Антонио

И чернь словами воздух потрясает.

Тассо

Ты дворянин, как я? Так докажи.

Антонио

Я дворянин, но знаю, где стою.

Тассо

Пойдем со мной туда, где можно биться.

Антонио

Ты требовать не вправе, я — идти.

Тассо

Препятствие желательно для труса.

Антонио

А трус грозит, где безопасен он.

Тассо

В охране этих стен я не нуждаюсь.

Антонио

Не в месте дело, а в тебе самом.

Тассо

Прости, творец, что это я терпел.

(Вынимает шпагу.)

Иди за мной, иль так, как ненавижу,

Тебя я вечно буду презирать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Альфонс.

Альфонс

Какую ссору я застал неожиданно?

Антонио

Ты видишь, князь, спокойно я стою

Пред тем, кто бешенством охвачен весь.

Тассо

Молю тебя, чтоб ты, как божество,

Меня смирил своим единым взглядом.

Альфонс

Антонио и Тассо, расскажите,

Как мог раздор проникнуть в этот дом?

Как он заставил умных двух людей

С пути добра, закона уклониться

В неистовство? Я в страшном изумленьи.

Тассо

Я верю, что ты нас не узнаешь.

Вот этот человек, слывающий умным,

Воспитанным, со мною обошелся,

Как человек неблагородный, грубый.

С доверьем я приблизился к нему,

Он оттолкнул меня, и чем сердечней
Я шел к нему, тем он язвил все злее,
Пока во мне все капли крови в желчь
Не обратил. Прости! Меня застал
Ты в бешенстве, но он — всему виной:
Он раздувал огонь с такою силой,
Что он мою всю душу охватил
И, наконец, нас опалил обоих.

Антонио

Высокий поэтический порыв
Его увлек с дороги! Ты с вопросом
Ко мне сначала обратился, князь,
Позволь теперь и мне промолвить слово.

Тассо

Рассказывай, осмелся передать
Твой каждый слог и каждую манеру
Пред этим справедливым судьей!
И выкажи себя во всей красе
Вторично! Я не стану отрицать
Ни одного биенья пульса, вздоха.

Антонио

Коль говорить ты хочешь, говори,
А если нет, не прерывай меня.
Вопрос о том, кто первый начал спор,
Горячая ли эта голова
Иль я; кто был неправ — вопрос пространный.
И мы его оставим в стороне.

Тассо

Как так? Мне первым кажется вопросом,
Кто здесь из нас был прав или неправ.

Антонио

Нет, не совсем, как представляет ум
Разнузданный.

Альфонс

Антонио!

Антонио

Твой знак

Я чту, мой князь, но пусть же он замолкнет;

Когда я кончу, пусть он продолжает,

А ты решишь. Я говорю одно:

Я не могу сейчас вступить с ним в тяжбу,

Ни обвинять, ни защищать себя,

Ни вызывать его на поединок.

Сейчас он — несвободный человек:

Над ним тяжелый властвует закон,

Его смягчить твоя лишь может милость.

Он мне грозил и звал на поединок,

Едва перед тобой он спрятал меч,

И если б между нами ты не встал,

То я б стоял с позором соучастья

Перед тобой, нарушивши мой долг.

Альфонс

(к Тассо)

Ты дурно поступил.

Тассо

О государь,

Я верю, что меня ты оправдаешь;

Да, это правда: я ему грозил,

Я вызывал. Но ты не представляешь,

Как он язвил коварным языком:

Как быстро зуб его свой тонкий яд

Пролил мне в кровь, как лихорадку гнева

Он миг за мигом разжигал во мне!

Как холодно меня он доводил

До крайности! О, ты его не знаешь

И, верно, не узнаешь никогда!

Ведь я к нему с дарами дружбы шел,

Он мне с презреньем под ноги их бросил.

И если б я не воспыгал душой,

То был бы я навеки недостоин

Твоих щедрот, и если я нарушил

Закон дворца, то ты меня прости.

Я не могу ни на какой земле

Переносить такого униженья.

Коль это сердце пред тобой виновно,

Тогда наказывай меня, отвергни,

И я навек сокроюсь с глаз твоих.

Антонио

Как юноша легко несет вину,

Ее, как пыль, с одежды, отряхая!

Здесь можно было б удивляться, но

Поззия своей волшебной силой

Обычно любит с тем, что невозможно,

Вести игру. Но сомневаюсь я

Весьма, весьма, чтобы ты мог, мой князь,

Незначашим считать такое дело.

Величество защиту простирает

На каждого, кто, как к жилищу бога,

К его чертогам близко подошел.

Как пред святым подножьем алтаря,

Здесь у порога затихает страсть,

Не блещет меч, не слышно грозных слов,

Не требует обида отомщенья.

Ведь есть довольно места на земле

Для ярости, не знающей прощенья,

Там трус не будет даром угрожать,

Твои отцы сложили эти стены

На камне безопасности; святыня

Их стережет; покой их обеспечен

Тяжелым и суровым наказаньем;

Тюрьма, изгнание, смерть грозят виновному.

Здесь правил нелицеприятный суд,

Здесь кротость не удерживала право,

И сам преступник в страхе трепетал.

И после мира долгого ты видишь,

Как в царство добрых нравов ворвались

Безумие и ярость. Государь,

Решай, карай! Кто может пребывать

В границах долга, если не хранит

Его закон и сила государя?

Альфонс

Что б вы ни говорили, буду слушать

Я только голос собственной души.

Вы лучше бы исполнили свой долг,

Избавивши меня от приговора.

Здесь правда с кривдой тесно сплетены:

Коль оскорбил Антонио тебя,

Пусть даст тебе он удовлетворенье,

Какого ты потребуешь, а я

Хотел бы здесь посредником явиться.

И все-таки своим поступком, Тассо,

Ты заслужил оков. Тебя прощаю

И для тебя закон смягчаю строгий.

Покинь нас, Тассо! Оставайся дома

Под караулом собственным твоим.

Тассо

И это твой судебный приговор?

Антонио

Ты здесь не видишь кротости отца?

Тассо

(к Антонио)

Я с этих пор не говорю с тобой.

(К Альфонсу)

О князь, твоим суровым словом я

Лишен свободы. Пусть же будет так!

Ты вправе. Чтя твое святое слово,

Я заглушу глубокий сердца ропот.

Но я теперь совсем не узнаю

Тебя, себя и этих мест прекрасных.

Но вот его я знаю хорошо...

Я слушаюсь, хоть мог сказать бы много

И должен бы! Мои уста немеют.

Ужели было преступленье здесь?

Я вам кажусь преступником, и что бы

Ни говорило сердце, я — в плену.

Альфонс

Ты это выше ценишь, чем я сам.

Тассо

Мне непонятно, что все это значит,

Но нет, понятно, я ведь не дитя,

Пожалуй, я бы мог постигнуть это.

Мгновенно все в уме моем светлеет

И мраком застилается опять.

Склоняюсь я, внимая приговор.

Довольно сказано ненужных слов!

Привыкни же теперь к повиненью;

Бессильный, ты забыл, где ты стоял!

Чертог богов ты мнил на ровной почве.

Тебя удар внезапный ниспроверг.

Так повинуйся; подобает мужу

Тяжелое охотно исполнять.

Возьми же шпагу, данную тобой,

Когда я ехал вслед за кардиналом

Во Францию, ее я не прославил,

Не посрамил сегодня. Этот дар

Я отдаю с глубокой болью сердца.

Альфонс

Мое благоволение ты забыл.

Тассо

Мой жребий — слушаться без размышлений.

Увы! И от прекраснейшего дара

Судьба велит отречься мне теперь.

Не украшает пленников венки:

Я сам с чела снимаю украшение,

Что было мне для вечности дано.

Да, счастье получил я слишком рано,

Вознесся высоко, и слишком скоро

Я потерял его. Сам у себя

Я отнял то, что взять никто не может

И ни один не даст вторично бог.

Как дивно люди созданы: терпеть

Мы не могли б, когда б не наделила

Нас легкомыслием сама природа.

Нас горе научает расточать

Безумные дары, как бы играя:

Готовы сами руки мы раскрыть,

Чтобы они исчезли безвозвратно.

Я мой венок целую со слезою

И предаю забвенью! Это знак

Минутной слабости, но он прекрасен.

Как не рыдать, когда бессмертное

Не может разрушенья избежать?

Со шпагой этою соединишь,

Которую ты не был завоеван.

Обвейся вокруг нее и почивай,

Как на гробнице счастья и надежды!

К твоим ногам кладу их добровольно.

К чему оружие, если ты — во гневе?

К чему венок — отвергнутый тобой?

Иду в мой плен и буду ждать суда.

По мановению князя паж поднимает шпагу и венок и уносит прочь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Альфонс. Антонио.

Антонио

Какими красками рисует мальчик

Свою судьбу, достоинства свои!

Да, мнит себя неопытная юность

Предызбранным, особым существом.

Он все себе со всеми позволяет.

Когда он станет мужем, будет нам

За наказание это благодарен.

Альфонс

Боюсь, не слишком ли наказан он.

Антонио

Коль можешь ты с ним мягко поступить,

Верни ему, о князь, опять свободу,

И пусть рассудит нашу ссору меч.

Альфонс

Да, если б это требовала честь.

Но чем, скажи, ты вызвал гнев его?

Антонио

Как это вышло, трудно мне сказать.

Быть может, я его слегка задел

Как человека, не как дворянина,

И с уст его не сорвалось во гневе

Ни слова непристойного.

Альфонс

И мне

Оно казалось так; что ты сказал,

Мне подтверждает то, что сам я думал.

При ссоре мы считаем справедливо,

Что виноват тот, кто умней. Не должен

Ты был сердиться. Ведь тебе пристало

Руководить им. Время не ушло:

Здесь нет совсем причины к вашей ссоре

Покуда длится мир, в моем дому

Я наслаждаться им хочу. Ты можешь

Спокойствие восстановить легко.

Ленора Санвитале усмирить

Его сумеет нежными устами.

А ты, вернув от моего лица

Ему свободу полную, добейся

Его доверья добрыми словами.

Уладь же все, как ты всегда умеешь,

Поговори с ним, как отец и друг.

Но я хочу, чтоб мир был восстановлен

До моего отъезда: для тебя

Нет невозможного, когда ты хочешь.

Ну, а затем мы предоставим дамам

Закончить нежно то, что начал ты,

И мы, вернувшись, не найдем следа

От этой ссоры всей. Ведь ты, Антонио,

Не хочешь изменить себе. Едва

Одно устроил дело ты, и вот,

Вернувшись, создаешь себе другое.

Надеюсь я и здесь на твой успех.

Антонио

Я пристыжен. В твоих словах я вижу,

Как в ясном зеркале, мою вину.

Легко служить властителю тому,

Что убеждает нас, повелевая.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Принцесса одна.

Принцесса

Но где ж Элеонора? Все больнее

Тревога мне охватывает сердце.

Едва я знаю, что произошло,

Едва я знаю, кто из двух виновен.

Когда ж она придет! Я не хочу

Увидеться с Антонио и с братом,

Пока не успокоюсь, не узнаю,

К чему все это может привести.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Принцесса. Леонора.

Принцесса

Скажи скорее, Леонора, что

Произошло меж нашими друзьями?

Леонора

Я больше, чем мы знали, не узнала.

Они схватились, Тассо напирал,

Твой брат их разнимал; сдается мне,

Что эту ссору первым начал Тассо.

Антонио гуляет на свободе

И с князем говорит, меж тем как Тассо

Сидит как пленник в комнате своей.

Принцесса

Антонио, наверно, раздражил

И оскорбил его холодным тоном.

Леонора

Я и сама так думаю. Когда

Он шел к нему, он хмурился, как туча.

Принцесса

Мы разучились следовать — увы! —

Внушеньям сердца, чистым и безмолвным,

Чуть слышно бог подсказывает нам,

Чуть слышно, но понятно для души,
К чему стремиться, от чего бежать.
Суровой, резче, чем когда-нибудь,
Антонио казался мне сегодня.
Меня предчувствие предупреждало,
Когда он с Тассо встретился. Сравни
Наружность их, походку, шаг и взгляд!
Здесь все в противоречье, и не смогут
Они друг друга полюбить вовеки.
И в то же время льстивая надежда
Шептала мне: они разумны оба,
Твои друзья, учены, благородны!
Что крепче связи двух людей хороших?
Я торопила юношу, и он
Так чудно, горячо отдался весь.
О, если б так же я поговорила
С Антонио! Я медлила, ждала,
Меня пугало с самых первых слов
Неопытного юношу ему
Навязывать, и здесь я полагалась
На вежливость, на светскость, что мостом
Легко ложится даже меж врагами.
Я не боялась перед зрелым мужем
За юность пылкую. И вот пришла
Беда, что так далекою казалась.
О, что теперь нам делать? Дай совет!
Леонора
Я думаю, ты чувствуешь сама,
Как трудно мне советовать. Ведь здесь
Не столкновение душ, родных друг другу,
Когда словами пли поединком
Легко поправить дело. Но они,
Как уж давно я это замечала,
Лишь потому враги, что не могла
Одним созданием сделать их природа.
Полезно и разумно было б им
Навек соединиться тесной дружбой.
Тогда б они и сплю и счастьем

Дышали, как единый человек.

Так я сама надеялась, но тщетно.

Конечно, будет нынешний раздор

Улажен, но ручаться нам нельзя

За будущее, за ближайший день.

Всего бы лучше было, чтобы Тассо

На время нас покинул, он бы в Рим

И во Флоренцию поехать мог.

Через несколько недель я там могла бы

С ним встретиться и оказать влияние.

Ты между тем должна Антонию,

Что стал для нас чужим, приблизить снова

К себе самой и всем твоим друзьям.

Что невозможным кажется теперь,

Легко, быть может, время разрешит.

Принцесса

Ты для себя желаешь наслажденья,

А я должна отречься? Милый друг,

Где ж справедливость?

Леонора

Ты бы все равно

Не наслаждалась в этом положении.

Принцесса

Так я должна изгнать спокойно друга?

Леонора

Изгнав его для вида, удержать.

Принцесса

Мой брат его охотно не отпустит.

Леонора

На это дело он глядит, как мы.

Принцесса

Как тяжело обречь изгнанью друга!

Леонора

Но ты иначе друга не спасешь!

Принцесса

Я не могу на это дать согласие.

Леонора

Тогда случится большая беда.

Принцесса

Меня ты только мучаешь напрасно.

Леонора

Но скоро мы узнаем, кто был прав.

Принцесса

Пусть будет так, но прекрати вопросы.

Леонора

Тот, кто решился, побеждает скорбь.

Принцесса

Я не решилась, но пусть будет так,

Коль не надолго удалится он...

Заботиться я буду, Леонора,

Чтоб в будущем он не терпел нужды,

Чтоб герцог там оказывал ему

Поддержку, доставляя средства к жизни,

Поговори с Антонио, ведь он

У брата значит много, и едва ль

Он с нами вступит в спор и с нашим другом.

Леонора

Здесь больше б слово значило твое.

Принцесса

Я не могу, и это знаешь ты,

Просить ни за себя, ни за своих,

Как то возможно для сестры Урбино.

Я здесь живу спокойно, в тишине,

От брата принимая благодарно

То, что он может и желает дать.

За это я терпела укоризны

Немалые, но их преодолела.

Одна подруга говорила мне:

Ты бескорыстна, это хорошо,

Прекрасно, но поэтому не можешь

Ты чувствовать нужды твоих друзей

Как следует. Но равнодушно я

Переносу такую укоризну.

Тем более мне радостно теперь,

Что я могу помочь на деле другу.

Я матери наследство получу

И другу окажу охотно помощь.

Леонора

И я, княжна, могу здесь очень кстати

Ему подругой выказать себя.

Хозяин он плохой, и я могу

Ему прийти на помощь в этом деле.

Принцесса

Возьми ж его, коль я должна отречься,

Пусть он тебе одной принадлежит!

Я вижу ясно: лучше будет так.

Могу ли я считать и эту скорбь

Целительной? От юности таков

Был жребий мой, я к этому привыкла!

Потеря счастья вдвое легче нам,

Когда непрочно было обладанье.

Леонора

Надеюсь я, что счастье по заслугам

Получишь ты.

Принцесса

Элеонора! Счастье?

Но кто же счастлив? Я могла бы, правда,

Назвать счастливым брата моего.

Он с мужеством несет высокий жребий,

Но по заслугам он не награжден.

А счастлива ль сестра моя Урбино?

Она прекрасна, высока душой,

Но с мужем молодым они бездетны,

Он чтит ее, мирится с этим горем,

Но счастья не видно в их дому.

Что дали нашей матери несчастной

Высокий ум и знаний широта?

Хранили ли ее от заблуждений?

Нас взяли прочь, теперь она мертва,

И детям не осталось утешенья,

Что в мире с богом умерла она.

Леонора

О, не на то, чего недостает,

Смотри на то, что нам еще осталось!

Что ж у тебя, княжна, осталось?

Принцесса

Что?

Терпенье, Леонора! С юных лет

Я упражнялась в нем. Когда веселью

Мои друзья и сестры предавались,

Меня держала в комнате болезнь.

И отреченью среди мук моих

Я научилась рано. Лишь одно

Меня в уединенье улаждало:

То радость песен; я, сама с собой

Беседуя, желанье и тоску

Напевом тихим сладко усыпляла.

И горе становилось наслажденьем,

Гармонией — тяжелая печаль.

Недолго я внушала это счастье:

Мне лекаря сурового запрет

Замкнул уста, я стала жить, страдая,

Последнее утратив утешенье.

Леонора

Ты множеством друзей окружена,

Здорова, жизнерадостна теперь.

Принцесса

Да, я здорова, то есть не больна,

И преданность друзей дает мне счастье.

Был у меня один любимый друг...

Леонора

Он твой еще.

Принцесса

Потерян будет скоро.

Тот миг, когда его я в первый раз

Увидела, значенья полон был.

Тогда, едва от муки и болезни

Оправившись, смотрела робко я

Опять на жизнь и, обществу сестры

И солнцу радуясь, впивала жадно

Надежды новой сладостный бальзам.

Тогда дерзнула я взглянуть пошире

Вперед на жизнь, и ласковые лики

Приветствовали издали меня.

Тогда сестра представила впервые

Мне юношу, он с нею рядом шел,

И признаюсь тебе: он овладел

Моей душой, и овладел навеки.

Леонора

О, не жалея, моя княжна, об этом!

Прекрасное познала ты душой,

Твой выигрыш навеки неотъемлем!

Принцесса

Но опасаться должно и прекрасного,

Как пламени, что так полезно нам,

Когда оно горит на очаге

Или прекрасно с факела сияет.

Кто от него откажется тогда?

Когда ж оно охватит все кругом,

То сколько бед наделает! Оставь.

Болтлива я. Мою болезнь и слабость

Мне лучше было б скрыть перед тобой.

Леонора

Всего действительней болезнь души

Доверчивость и жалобы врачуют.

Принцесса

О, если так, я скоро исцелюсь;

Всецело доверяюсь я тебе.

Ах, милая! Хотя я и решилась,

Чтоб он уехал, чувствую уже

Я длительную боль тоскливых дней,

Раз я должна от радости отречься.

Уж солнце предо мною не осветит

Прекрасный образ, светлый, как мечта;

Надежда встречи пробужденный дух

Не исполняет радостным желаньем;

Напрасно взор бросаю в сумрак сада,

Ища его среди росистой мглы.

Как было хорошо, наверно, знать,

Что будешь с ним и нынче веселиться!

О, как при встречах все росло желанье

Друг друга больше знать и понимать!

Как с каждым днем все чище и прекрасней

Гармонию наполнилась душа.

Какой же мрак упал передо мной!

Вся роскошь солнца, радостное чувство

Дневных лучей и тысячей цветов

Блестевший мир закутались туманом,

Что встал передо мной, глубок и глух.

Тогда мне каждый день был целой жизнью;

Молчала скорбь, предчувствие немело,

И, как в ладье, по легкой зыби волн

Нас уносило счастье без руля.

Теперь печально все, и тайный страх

Перед грядущим в сердце мне проник.

Леонора

Грядущее тебе друзей воротит

И новые отрады принесет.

Принцесса

Я сохранить хочу то, чем владею:

Не вижу пользы я от перемен.

Я не стремилась с юною тоской

Из урны жребиев в чужом мне мире

Случайно выловить предмет любви

Для моего неопытного сердца.

Его я чтить должна была, любя,

Должна была любить, — ведь только с ним,

Что значит жизнь, впервые я узнала!

Себе я говорила: «Удались!»

Но между тем все больше приближалась

На милый зов. Сурово я теперь

Наказана. Действительное благо

Теряю я, и подменил злой дух

Скорбями мне и радости и счастье.

Леонора

Коль ты не внемлешь дружеским словам,

То укрепит тебя земного мира

Спокойная и мощная краса.

Принцесса

Да, он прекрасен, мир! И в нем так много

Хорошего встречается везде.

Ах, но оно все далее вперед

От нас бежит всю нашу жизнь

И манит наше робкое желанье

За шагом шаг до гробовой доски!

Так редко люди обретают в жизни,

Что предназначенным казалось им.

Так редко кто умеет удержать,

Что схвачено счастливою рукой.

Уходит то, что только что далось,

Теряем мы то, что держали жадно,

Мы счастья нашего не узнаем,

А если бы узнали, не ценили.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Леонора

(одна)

Как сердца благородного мне жаль!

Какой печальный жребий выпал ей!

Ах, выгодна ль тебе ее потеря?

И так ли нужно, чтоб уехал он?

Иль делаешь ты это для того,

Чтоб обладать талантами и сердцем,

Которые с другою до сих пор

Делила ты? И честно ли так делать?

Чего тебе еще недостает?

И муж, и сын, и красота, и знатность

Есть у тебя, и хочешь ты его

Иметь в придачу? Любишь ты его?

Коль нет, зачем не можешь больше ты

Отречься от него? Должна признаться,

Что сладостно в душе его прекрасной

Мне созерцать, как в зеркале, себя.

Какой восторг, когда он до небес

Тебя возносит песнею своей!

Ты зависти достойна! Ты не только

Владеешь тем, что многие желают,

Но каждый знает, чем владеешь ты.

Твоя отчизна смотрит на тебя,

И ты достигла высшей точки счастья.

Иль должно только имени Лаура

Звучать со всех прелестных, нежных уст?

И лишь один Петрарка вправе был

Обожествить безвестное созданье?

Кто в мире равен другу моему?

Как почитает мир его теперь,

Так будет он прославлен и потомством,

О, как прекрасно в блеске этой жизни

Идти с ним рядом! После вместе с ним

Вступить в грядущий сумрак легким шагом!

Тогда бессильно над тобою время,

И старость дряхлая, и плеск молвы,

И наглый гул хулы и одобрений.

Все преходящее навек хранит

Нам песнь его. И в ней ты будешь юной,

Куда б ни мчал круговорот вещей.

И у нее ты не отнимешь друга.

Я знаю, что ее влечение к Тассо

Подобно и другим ее страстям.

Они, подобно месячным лучам,

Едва мерцают, озаряя путь.

Они не греют и не льют вокруг

Блаженства жизни. Будет ей отрадно

Узнать про то, что счастлив он вдали,

Как было сладко видеть каждый день.

И, наконец, от этого двора

И от нее мы изгнаны не будем,

И вместе с ним я возвращусь обратно.

Да будет так! Идет суровый друг.

Удастся ль укротить его? Посмотрим.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леонора. Антонио.

Леонора

Ты нам войну приносишь вместо мира,
Как будто ты из лагеря пришел,
Где сила и кулак решают дело,
А не из Рима, где с благословеньем
Подъемлет руки разум, видя мир
У ног своих послушно преклоненным.

Антонио

Терпеть упрек, прелестная подруга,
Обязан я, но оправданье есть.
Опасно долго проявлять себя
Умеренно-разумным: караулит
Тебя злой гений, он желает жертву
От времени до времени иметь,
И этот раз ему я, к сожаленью,
Ее принес за счет моих друзей.

Леонора

Ты слишком долго был среди чужих,
С их мыслями привык согласоваться.
Теперь, когда ты видишь вновь друзей,
Готов ты с ними спорить, как с чужими.

Антонио

Здесь и лежит опасность, милый друг!
Среди чужих мы напрягаем силы,
Внимательны к себе, чтоб нашу цель
Осуществить чрез их расположение.
Но мы распуценны в кругу друзей,
Мы отдыхаем в их любви, себе
Причуды позволяем, наша страсть
Несдержанна, и оскорбляем мы
Невольны тех, кого всех больше любим.

Леонора

В твоём спокойном рассужденье, друг,
Всего тебя я с радостью узнала.

Антонио

Досадно мне — охотно признаюсь,

Что я сегодня меру потерял.

Но согласись: когда с горячим лбом

Приходит от работы человек,

Чтоб отдохнуть под сладостною тенью,

Под вечерок, для нового труда,

И вдруг находит, что уж раньше тенью

Бездельник завладел: ужели в нем

Не вспыхнет человеческое чувство?

Леонора

Когда он настоящий человек,

Он эту тень разделит с человеком,

Что отдых усладит и облегчит

Ему работу чудною беседой.

Ведь дерево дает большую тень,

И нет нужды, чтоб вытеснять друг друга.

Антонио

Не будем дальше вновь и вновь играть

Одним сравнением, Элеонора.

Да, много в этом мире есть вещей,

Что мы готовы разделить с другими.

Но есть одно сокровище: оно

Дается только истинной-заслуге.

И есть другое, что и с заслужившим

Никто не пожелает разделить.

Ты хочешь знать их имя? Это — лавр.

Другое же — благоволение женщин.

Леонора

Венок на юношеской голове

Заслуженного мужа оскорбил?

За труд его, за сладостные песни

Не мог бы ты найти скромней награды.

Заслуга неземная, что парит

Лишь в воздухе и нам чарует дух

Лишь в легких образах и нежных звуках,

Она одним лишь символом прекрасным

Достоинно может быть награждена.

Как он едва касается земли,

Едва касается высокий дар

Его чела. Бесплодна эта ветвь,

Поклонников бесплодное вниманье

Ее дарит ему, чтоб облегчить

Свою вину. Едва ли будешь ты

Завидовать сиянью золотому

Вкруг мученика голой головы.

И знай, что так же лавровый венок —

Скорее знак страдания, чем счастья.

Антонио

Ужель хотят прелестные уста

Учить презренью к суетности мира?

Леонора

Ты не нуждаешься в моих уроках,

Чтобы ценить достойное. Но все ж

От времени до времени и мудрый

Нужду имеет в том, чтоб в верном свете

Ему явили то, чем он владеет.

Не будешь, благородный человек,

Ты притязать на призрачную почесть,

Ведь служба, за которую тебе

Обязаны твой князь, твои друзья, —

Жива и действенна, твоя награда

Должна живой и действенною быть.

Твой лавр — доверье герцога, оно,

Как сладостное бремя, на плечах

Покоится твоих, доверьем всех

Прославлен ты.

Антонио

Но ты не говоришь

О ласковом благоволенье дам?

Иль ты его изобразишь ненужным?

Леонора

Как посмотреть! Ты не лишен его,

Хоть без него ты обошелся б легче,

Чем тот прекрасный, милый человек,

Скажи одно: могла ли б о тебе

Какая-нибудь женщина с успехом

Заботиться, тобою заниматься?

Все прочно у тебя, в порядке все.

Умешь ты доставить и себе

То, что другим. А он по нашей части

Нас занимает. Мелочей без счета

Недостает ему, а их как раз

Умеет женщина ему создать.

Ходить он любит в тонком полотне,

В роскошно шитой шелковой одежде,

Он любит наряжаться, он не может

Материю, приличную слуге,

Терпеть на теле. Все должно на нем

Сидеть прекрасно, тонко, благородно.

И он, однако, вовсе не умеет

Себе все это завести, беречь

Полученное; денег и заботы

Недостает ему; то здесь, то там

Он оставляет вещи. Никогда

Из странствия не возвращался он,

Не потерявши треть вещей. Слуга

Ворует у него. Итак, мой друг,

Забот о нем на целый год хватает.

Антонио

И оттого он всех для вас дороже!

Счастливый юноша! Ему пороки

Вменяют в добродетели, дают

Разыгрывать мальчишку из себя,

И слабостями он гордиться может!

Прости меня, прекрасная подруга,

Что буду я немного ядовит.

Ты говоришь не все, не говоришь,

Что дерзок он, умнее, чем на вид.

Он хвалится победою двойной,

Он рвет узлы и вяжет, побеждает

Сердца такие! Можно ли поверить?

Леонора

Но это и доказывает нам,

Что нас лишь дружба оживотворяет.

И, на любовь любовью отвечая,

Мы лишь достойно награждаем сердце,

Которое, себя позабывая,

Живет в прекрасной грезе для друзей.

Антонио

Балуйте же его и за любовь

И дальше принимайте себялюбье,

И, оскорбляя преданных друзей,

Восторгов дань давайте добровольно

Надменному! Разружьте до конца

Прекрасный круг взаимного доверья!

Леонора

Нет, мы не так пристрастны, как ты мнишь,

И другу нашему даем уроки.

Желаем мы его образовать,

Чтоб больше наслаждался он собою

И услаждал других. Мы знаем то,

Что в нем заслуживает порицанья.

Антонио

Но многое, что должно порицать,

Вы хвалите. Его давно я знаю,

Он слишком горд, чтобы скрываться. Вдруг

В себя он погружается, как будто

Весь мир в его груди, он тонет в нем,

Не видя ничего вокруг себя.

Тогда он все отталкивает прочь,

Покоится в себе самом, и вдруг,

Как мина загорается от искры,

Он бурно извергает радость, скорбь,

Причуду, гнев. Он хочет все схватить,

Все удержать, тогда должно случиться

Все, что сейчас пришло ему на ум.

В единый миг должно произойти,

Что медленно готовится годами.

В единый миг он хочет разрешить

То, что во много лет неразрешимо.

От самого себя и от других

Он требует того, что невозможно.

Желает он пределы всех вещей

Схватить зараз, а это удастся

Едва ль из миллионов одному,

Он не из тех, и должен наконец

Уйти в себя, не став нисколько лучше.

Леонора

Но он вредит себе, а не другим.

Антонио

Нет, и других он слишком оскорбляет.

Едва ли ты решишься отрицать,

Что, схваченный внезапной страстью, он

Дерзнет бранить и князя, и княжну,

И всякого злословить, кто б он ни был,

Лишь на мгновенье, правда, но оно

Приходит вновь: он языком своим

Владеет так же мало, как и сердцем.

Леонора

Я думаю, что, если бы он мог

Отсюда удалиться ненадолго,

Для всех бы это было хорошо.

Антонио

Да, может быть, а может быть, и нет.

Но нечего об этом думать. Мне

Не хочется вину взвалить на плечи.

Покажется, что я его гоню.

Я не гоню его. Спокойно может

Он и со мной остаться при дворе.

И если он желает примириться

И следовать совету моему,

Мы кое-как ужиться вместе можем.

Леонора

Ты повлиять надеешься на душу,

Которую пропащею считал?

Антонио

Всегда надежда лучше, чем сомненье,

И мы должны надеяться всегда.

Кто может все возможности учесть?

Он дорог князю, пусть же остается,

И если мы напрасно бьемся с ним,

Он не единственный, кого мы терпим.

Леонора

Что можешь ты судить столь беспристрастно,

Я все-таки не думала, мой друг.

Антонио

Ведь преимущество имеет старость:

Хоть ей ошибок и не избежать,

Она с собой справляться быстро может.

Ты примирить меня старалась с другом,

Теперь об этом я прощу тебя.

Ты делай все, что можешь, чтобы Тассо

Опомнился, скорей пришел в себя.

Я сам пойду к нему, как только я

Узнаю от тебя, что он спокоен

И что не может увеличить зла

Присутствие мое. Но в сей же час

Ты это сделай, вечером Альфонс

Обратно едет, и его я должен

Сопровождать. Ну, а пока прощай.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Леонора

(одна)

На этот раз мы разошлись, мой друг,

И наши интересы не идут

Рука с рукой. Чтоб Тассо получить,

Я временем воспользуюсь. Скорей!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

КОМНАТА

Тассо

(один)

Проснулся ль ты внезапно ото сна,

Покинул ли тебя обман прекрасный?

Иль после дня блаженства страшный сон

Тебя связал и душу заключил
В тяжелые оковы? Да, теперь
Ты наяву и грезишь. Где ж часы,
Игравшие цветущими венками
Над головой твоей, когда твой взор
Тонул свободно в синеве небес!
Ты жив еще, и чувствуешь себя,
И все-таки, живешь ли ты, не знаешь.
Моя ли в том, другого ли вина,
Что я здесь оказался как преступник?
Что сделал я, что должен так страдать?
И не был ли заслугой весь мой грех?
Его увидев, я с такой надеждой,
С такой мечтой навстречу поспешил:
Его я принимал за человека,
Я шел к нему открыто и нашел
Замок, засов и никакого сердца.
О, должен был обдумать я умно,
Как встретиться мне с этим человеком,
Что подозрителен мне был давно.
Но что б с тобою ни произошло,
Не потеряй уверенности в ней!
Ее я видел пред собой! Она
Со мною говорила, и я слышал!
Волшебный звук ее речей и взор
Навек мои, и не похитит их
Ни время, ни случайность, ни судьба.
Я слишком скоро ввысь поднялся духом
И в сердце разгореться дал огню,
Которым пожираем я теперь...
Я не могу раскаиваться, даже
Когда б и жизнь навеки погубил.
Отдав себя, я весело пошел
На зов ее, готовивший мне гибель.
Да будет так! Себя я показал
Достойным драгоценного доверья,
Оно дает мне бодрость в этот час,
Что раскрывает черные врата

Печали долгой. Кончено теперь!

Заходит солнце милости ее

Передо мной! Ее прекрасных взоров

Меня лишает князь, оставив здесь

Затерянным на сумрачном пути.

Противные, двусмысленные птицы —

Старинной ночи безотрадный сонм —

Кружат, жужжат над головой моей.

Куда, куда направлю я шаги,

Чтоб убежать от гнусного гуденья,

От бездны, что лежит передо мной?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонора. Тассо.

Леонора

Мой милый Тассо, что произошло?

Куда зашли твой пыл и подозренья?

И что случилось? Мы поражены.

Где прежний нрав твой, кроткий и любезный,

Твой быстрый взор, твой верный ум, способность

Всем воздавать, что им принадлежит,

И равнодушие, чтобы терпеть

То, что терпеть умеет благородный,

И мудрое владенье языком?

Нет, я почти тебя не узнаю.

Тассо

А если бы я это все утратил

И друг, кого ты мнила богачом,

Внезапно пред тобой явился нищим?

Да, перестал я быть самим собой,

И все же я таков, как раньше был.

Загадку эту разгадать легко.

Нас тихий месяц радует в ночи,

Своим сияньем душу и глаза

Влечет неодолимо, но при солнце

Он еле бледным облачком парит.

Я в блеске дня потух, вы узнаете

Меня, но я не узнаю себя.

Леонора

Не понимаю я, мой милый друг,
Что говоришь ты. Объяснись со мной.
Иль оскорбленье грубое его
Тебя задело так, что ты не можешь
Узнать ни нас, ни самого себя?

Тассо

Я не был оскорбленным, но обратно:
Наказан я за то, что оскорбил.
Сплетенье слов распутывает меч
Легко и быстро, между тем я — пленник.
Не испугайся, нежная подруга:
Ты друга застаешь в его тюрьме.
Ведь герцогом наказан я, как школьник.
Я не хочу с ним спорить, не могу.

Леонора

Мне кажется, ты слишком возбужден.

Тассо

Ты думаешь, я слабое дитя,
Что мог меня расстроить этот случай?
Он огорчил меня неглубоко,
Но горько то, что он обозначает.
Моих завистников, моих врагов
Дай вызвать мне: открыто поле битвы.

Леонора

Подозреваешь многих ложно ты,
Как я сама могла в том убедиться.
Антонио совсем тебе не враг,
Как грезишь ты. Сегодняшний раздор...

Тассо

Я это оставляю в стороне,
Беру Антонио, каким он был и есть.
С его умом, холодным, неподвижным,
Учителя разыгрывает он.
Не разобрав, что слушатель уж сам
Ступил на верный путь, он поучает
Нас многому, что сами лучше, глубже

Мы чувствуем, не слышит наших слов

И к нам относится с пренебреженьем.

В пренебрежение быть у гордеца,

Который смотрит на тебя с усмешкой!

Не так я стар, да и не так умен,

Чтобы в ответ смеяться терпеливо.

Должны мы были рано или поздно

С ним разорвать, — тем хуже, чем поздней,

Лишь одного я знаю господина:

Меня он кормит, я ему служу

С охотой, мне учителей не надо.

Свободы я хочу для дум и песен;

Довольно мир стесняет нас в делах.

Леонора

Он говорит с почтеньем о тебе...

Тассо

Со снисхожденьем, хочешь ты сказать,

И это мне досаднее всего,

Умеет он так гладко говорить,

Что похвала нам кажется укором.

Нет ничего обидней похвалы

Из уст его.

Леонора

О, если б ты, мой друг,

Услышал, как всегда он говорит

И о тебе, и о твоём таланте,

Что щедро так тебе природой дан!

Он живо чувствует его и ценит.

Тассо

Поверь, себялюбивая душа

От зависти не может уберечься.

Подобным людям свойственно прощать

Богатство, честь; им хорошо известно,

Что можно волей этого достичь,

Упорством и благоволеньем счастья.

Но что одна природа нам дает,

Что недоступно никаким усилиям,

Чего не может золото добыть,

Ни меч, ни разум, ни настойчивость, —

Вот это не простит он никогда.

Простит он мне? Он, кто с тупым умом

Добиться мнит благоволенья муз?

Он, кто, собрав поэтов многих мысли,

Поэтом мнит и самого себя?

Скорее он простит мне милость князя,

Хотя б желал иметь ее один,

Чем тот талант, что дочерьми небес

Мне, юноше безродному, дарован.

Леонора

О, если б ты, как я, все ясно видел!

Ты ошибаешься: он не таков.

Тассо

А если ошибаюсь, все равно!

Как о враге, я думаю о нем,

Я был бы безутешен, будь я должен

Смягчить вражду. Ведь справедливым быть

Во всех вещах — безумно, это значит

Разрушить самого себя! Всегда ли

К нам справедливы люди? Нет, о, нет!

Ведь человек нуждается при жизни

В двух чувствах: в ненависти и в любви.

Иль ночь ему не так нужна, как день,

И сон не так, как бденье? С этих пор

Его иметь я должен, как предмет

Глубокой злобы, и ничто не может

Меня лишить блаженства — с каждым часом

О нем все хуже думать.

Леонора

Милый друг, Не вижу я, как в этом настроенье

Ты можешь оставаться при дворе.

Ты знаешь, как он много значит здесь.

Тассо

Прекрасный друг, что я уже давно

Здесь лишним стал, мне хорошо известно.

Леонора

Не лишний ты и лишним стать не можешь!

Ты знаешь сам, как любят жить с тобой

Князь и княжна, приедет скоро к нам

Сестра Урбино, и она приедет

И для тебя, не только для сестры.

Ты всем им дорог, и они к тебе

Питают безусловное доверье.

Тассо

О, Леонора, где ж доверье здесь?

Поговорил ли он со мной хоть раз

О государственных делах? Когда ж

Случалось, что в присутствии моем

Советовался он с сестрой, с другими,

Не спрашивал меня он никогда.

Он лишь взывал: «Антонио приедет!»

«Об этом надо нам спросить Антонио!»

Леонора

Не жалуйся, а благодарен будь, —

Раз дал тебе он полную свободу,

То чтит тебя, как только может чтить.

Тассо

Но он меня считает бесполезным.

Леонора

Полезен ты как раз, уйдя от дел.

Давно ты на груди своей лелеешь

Досаду, как любимое дитя.

Я часто думала, — могу я думать

Так, как хочу, — на этой дивной почве,

Где ты, казалось, счастьем насажден,

Ты не процвел. О, Тассо! — Дать совет?

Сказать ли все? — Ты должен удалиться!

Тассо

Больного не щади, мой милый врач!

Лекарство дай, о горечи его

Не думая, по только о здоровье

Болящего, о добрая подруга!

Все копчено, я это вижу сам!

Я б мог простить, но не прощает он.

Он нужен здесь, а я — увы! — не нужен.

Он делает мне вред, я не могу

Противодействовать. Иначе смотрят

Мои друзья на вещи, оставляют

Все это без вниманья и едва

Противятся, когда должны бороться.

Уехать ты советуешь, я сам

Так думаю. Перенесу и это.

Вы бросили меня, и, бросив вас,

Я обрету и мужество и силы!

Леонора

Все в отдаленье кажется яснее,

Что дома лишь запутывает нас.

Быть может, ты поймешь, какой любовью

Был окружен везде, какую цену

Имеет верность истинных друзей,

Как близких не заменит целый мир.

Тассо

Мы это испытаем! С юных лет

Я знаю, как нас покидает мир

Беспомощных, идя своим путем,

Как солнце, месяц и другие боги!

Леонора

Послушавшись меня, ты никогда

Не повторишь, мой друг, печальный опыт.

Советую тебе прежде всего

Поехать во Флоренцию, а там

Тебе поможет друг, и этим другом

Сама явлюсь я. Еду я на днях

Туда, чтоб видеть мужа, и ничто

Не может быть для нас двоих приятней,

Чем если в нашу вступишь ты средю.

Я ничего тебе не говорю,

Ты знаешь сам, с какими там князьями

Ты сблизись, каких мужей и жен

Умел вскормить прекрасный этот город!

Что ж ты молчишь? Подумай и решай!

Тассо

Согласно то, что ты мне говоришь,

С моим в тиши питаемым желаньем.

Но это слишком ново: я прошу

Мне время дать об этом поразмыслить.

Леонора

Я удаляюсь с лучшей надеждой

Для дома этого и для тебя.

Подумай же, и если ты решишь,

То лучшего придумать невозможно.

Тассо

Еще одно! Скажи, мой милый друг,

Что обо мне подумала княжна?

Она сердилась? Что она сказала?

Меня бранила? Смело говори.

Леонора

Она легко тебя простила, верь мне.

Тассо

Я потерял в ее глазах? Не лъсти.

Леонора

Не так легко проходит милость женщин.

Тассо

Она согласна, чтобы я уехал?

Леонора

Да, если в этом счастье для тебя.

Тассо

И я не потеряю милость князя?

Леонора

Спокоен будь: великодушен он.

Тассо

И бросим мы княжну совсем одну?

Ты уезжаешь. Если не теперь,

То прежде для нее я что-то значил.

Леонора

Нас может радовать издалека

Наш друг, когда мы знаем, что он счастлив.

Уже счастливым вижу я тебя,

Ты не уйдешь отсюда недовольным,

По приказанью князя уж тебя

Антонио отыскивает. Он

Себя бранит за то, что оскорбил

Тебя так зло. Прими его спокойно.

Тассо

Что ж? Я могу пред ним явиться смело.

Леонора

Пусть мне поможет небо, милый друг,

Тебе глаза открыть перед отъездом,

Что здесь никто тебя не ненавидит,

И не преследует, и не теснит!

Ошибся ты, и как другим на радость

Ты прежде сочинял, так ты теперь

Плетешь себе на горе паутину

Фантазии. Но сделаю я все,

Чтоб разорвать ее, чтоб ты свободно

Дорогою прекрасной жизни шел.

Прощай! С надеждой буду ждать ответа.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тассо

(один)

Итак, меня никто не ненавидит

И не преследует, и все коварство,

Вся паутина заговоров тайных

Лишь у меня прядется в голове!

Признать я должен, что не прав, что часто

Чиню обиды тем, кто их ничем

Не заслужил, и это все в то время,

Когда открылись ясно перед солнцем

Коварство их и правота моя!

И должен чувствовать я глубоко,

Что князь идет ко мне с душой открытой

И уделяет щедро мне дары

В тот миг, когда он стал настолько слаб,

Что недругам моим позволил взоры

Ему затмить и руку оковать!

Но он не может видеть, что обманут,

Я ж не могу обман их показать.

И чтобы он в обмане оставался

И им его обманывать спокойно,

Я должен замолчать и отойти!

Кто мне дает совет? Кто так умно

Навязывает мне любовь и верность?

Ленора! Да, Ленора Санвитале,

Мой нежный друг! А, знаю я тебя!

Зачем я доверял ее устам!

Нечестною была она, когда

Выказывала мне любовь и нежность

Словами сладкими! Она была

И остается с хитрым сердцем, тихо

И вкрадчиво доверия ища.

Как часто я обманывал себя

Насчет ее! И чем я был обманут?

Тщеславием! Я знал ее прекрасно,

Но льстил себе. Я часто говорил:

Пускай она такая для других,

Но предана тебе душой открытой.

Ах, слишком поздно вижу я теперь:

Когда я счастлив был, она ко мне

Так нежно льнула. При моем паденье

Она мне поворачивает тыл.

Она — орудье моего врага,

Она шипит мне, маленькая змейка,

Своим волшебным, льстивым языком.

Она была еще милей, чем прежде,

Роня с уст приятные слова!

Но лесть ее не скрыла предо мной

Их лживый смысл; казалось, слишком ясно

Написано на лбу ее иное

И противоположное. Легко

Я чувствую, когда не с чистым сердцем

Дороги ищут к сердцу моему.

Я во Флоренцию уехать должен?

Зачем туда? Я вижу хорошо:

Там Медичи воздвигли новый дом.

Хоть не в открытой он вражде с Феррарой,

Но зависти холодная рука

Высокие разъединяет души.

И если я от тамошнего князя

Благоволенья знаки получу,

Чего я должен ждать, то царедворцу

Легко удастся замарать сомненьем

И верность, и признательность мою.

Уйду я, но не так, как вы хотите,

И далее, чем думаете вы.

И что меня задерживает здесь?

О да, я понял слишком хорошо

Слова, что вырвал я из уст Леноры!

Внимательно ловил я каждый слог.

И знаю все, что думает княжна, —

Да, это так, сомнений больше нет!

«Она меня отпустит, если это

Мне счастье даст». Ужель без боли в сердце

Она меня и счастье мое

Причиной выставляет? Лучше смертью

Быть схваченным, чем этою рукой,

Что холодно меня отвергла. Еду!

И видимости дружбы и добра

Остерегусь! Не может быть обманут,

Кто не обманывает сам себя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Антонио. Тассо.

Антонио

Имею я к тебе два слова, Тассо,

Коль выслушать спокойно можешь ты.

Тассо

Ты знаешь, действие запрещено мне,

И мне всего приличней ждать и слушать.

Антонио

Я рад, что застаю тебя спокойным,

И говорю с тобою от души.

Во-первых, слабые твои оковы

По воле князя разрешаю я.

Тассо

Меня связал, меня освободил

Лишь произвол. Не требую суда.

Антонио

Тогда позволь сказать тебе, что я

Тебя словами огорчил больней

И глубже, чем, разгорячившись, сам

Я это полагал. Но с уст моих

Не сорвалось презрительное слово.

Ты мне не можешь мстить как дворянин,

Как человек в прощенье не откажешь.

Тассо

Что хуже — огорчить иль оскорбить —

Большой вопрос, ведь огорченье в мозг

Нам проникает, дерзкие слова

Царапают по коже, их стрела

Летит назад. Общественное мненье

Мечом мы можем удовлетворить —

Обида ж исцеляется с трудом.

Антонио

Настойчиво тебе я повторяю;

Не отступай и удовлетвори

Желание мое, желанье князя.

Тассо

Я сознаю мой долг, и я готов

Простить, поскольку это мне возможно!

Нам говорят поэты о копье,

Целящем им же сделанную рану

Своим прикосновеньем. Ту же силу

Имеет человеческий язык,

Я ей сопротивляться не хочу.

Антонио

Благодарю. Хотел бы я, чтоб ты

Мое желанье услужить тебе

Немедленно проверил. Чем, скажи,

Тебе теперь могу полезен быть?

Тассо

Мне предложенье это очень кстати.

Ты мне вернул свободу, а теперь

Дай средство мне воспользоваться ею.

Антонио

Что ты задумал? Ясно говори.

Тассо

Ты знаешь, что закончил я мой труд,

Его усовершенствовать мне надо.

Я передал его сегодня князю

В надежде тотчас обратиться с просьбой.

Немало в Риме собралось сейчас

Моих друзей, отдельно мне они

Уже свои высказывали мненья

Посредством писем, уже многим я

Воспользовался, многое еще

Обдумать должен, мне бы не хотелось

Переменять различные места,

Пока они меня не убедят.

Но это в письмах сделать невозможно,

Свиданье все распутает узлы.

Об этом сам хотел просить я князя,

Но места не нашел, теперь дерзаю

Просить об отпуске через тебя.

Антонио

Не нахожу полезным уезжать

В те дни, когда законченный твой труд

Тебя приблизил к князю и княжне.

День милости — как день прекрасной жатвы;

Посев созревший требует труда,

Ты ничего не выиграешь, уехав,

И потеряешь то, что приобрел.

Присутствие — могучая богиня,

Учись ее влияние ценить!

Тассо

Я не боюсь. Альфонс так благороден,

Он так ко мне великодушен был.

Что ж до надежд, я здесь лишь сердцу князя

Хочу обязан быть, его щедрот

Не надо мне, не стану добиваться

Того, в чем он раскаяться бы мог.

Антонио

Так не проси об отпуске его,

Он неохотно даст его тебе

И, опасаясь я, не даст совсем.

Тассо

Он даст, коль хорошенько попросить.

Ты это можешь, если только хочешь.

Антонио

Какие ж основанья привести?

Тассо

Дай говорить моей поэмы стансом!

Похвального желал я, если цель

Для сил моих была недостижима.

В ней много прилежанья и труда.

И много дней, веселых и прекрасных,

Ночей безмолвных много я всецело

Благочестивой песни посвятил.

Приблизиться я чаял к тем великим

Учителям прошедшего, хотел

Воззвать от сна на подвиг благородный

Я наших современников, затем,

Быть может, разделить с Христовой ратью

Святой войны опасности и славу.

И если лучших песнь моя разбудит,

Она должна достойна лучших быть.

За прошлый труд обязан я Альфонсу,

Обязан буду за его конец.

Антонио

И может этот князь ничуть не хуже,

Чем римляне, тобой руководить.

Окончи здесь свой труд и вслед за тем,

Чтоб действовать, спеши скорее в Рим.

Тассо

Альфонс меня впервые вдохновил

И будет мне учителем последним.

И твой совет, совет людей разумных,

Людей двора, ценю я высоко.

И вам решать, коль римские друзья

Меня не убедят вполне. Но раньше

Я должен видеть их. Совет судей

Сбирает для меня Гонзага, там

Предстану я. Едва могу дождаться.

Фламинио де Нобили, Анджельо

Да Барга, Антоньяно и Сперон Сперони!

Ты знаешь их — какие имена!

Они доверье проливают в душу,

И радостно я подчиняюсь им.

Антонио

Ты думаешь здесь только о себе,

А не о князе. Он тебя не пустит,

А если отпуск даст, то неохотно.

И с этим делом докучать ему

Нельзя. Могу ль посредником явиться

Я в том, чего не одобряю сам?

Тассо

Ты мне отказываешь в первой просьбе,

Когда хочу я дружбу испытать?

Антонио

Да, проявляется порою дружба

В отказе, и любовь дарует часто

Нам вредный дар, заботясь о желанье

Того, кто требует, а не о счастье.

За счастье ты считаешь в этот миг

То, что иметь так пламенно желаешь,

И хочешь получить его мгновенно.

Ведь пылкостью безумный возмещает

Отсутствие правдивости и сил.

Мой долг велит умерить, как могу,

Твою поспешность, вредную тебе.

Тассо

Давно уж эту тиранию дружбы

Я знаю, и она невыносимей

Всех тираний. Иначе мыслишь ты

И потому лишь думаешь, что мыслишь

Ты правильно. Я признаю, что ты

Мне счастья хочешь, но не требуй, чтобы

Я на твоём пути его нашёл.

Антонио

Так должен я сейчас тебе вредить

С холодной кровью, с ясным убежденьем?

Тассо

От этого тебя освобожу!

Меня ты этим словом не удержишь,

Ты дал свободу мне, и эти двери

Открытыми стоят передо мной.

Я предлагаю выбор. Ты или я!

Князь уезжает. Мира одного

Нам ждать нельзя. Скорее выбирай!

Или... или я сам отправлюсь к князю.

Антонио

Дай мне немного времени подумать

И возвращенья князя подожди!

Но только не сегодня!

Тассо

Нет, сейчас,

Коль это можно! Мраморная почва

Мне жжет ступни, не раньше я могу

Найти покой, пока вокруг меня

Дорожная не закрутится пыль.

Прошу тебя! Ты видишь, как теперь

Мне трудно говорить с властителем моим,

Ты видишь — да, я скрыть не в силах, —

Что я сейчас не властен над собой

И мне никто указывать не может.

Меня сдержать могли бы одни оковы!

Альфонс со мной свободно говорил,

Он — не тиран, и я ему всегда

Послушным был, но нынче не могу!

Опомниться могу я лишь на воле!

К обязанностям скоро я вернусь.

Антонио

Ты ввел меня в сомненье. Что мне делать?

Уж сам я заблужденье заражен.

Тассо

Коль должен верить дружбе я твоей,

То сделай то, чего я так хочу.

Коль князь отпустит, я не потеряю

Ни милости, ни помощи его.

Тогда тебе я буду благодарен.

Но если ты в груди питаешь злобу

И от двора прогнать меня желаешь,

Мою судьбу навек испортить, бросить

Меня беспомощным в широкий мир,

Противься мне, в своих упорствуй мыслях!

Антонио

Коль должен я тебе вредить, о Тассо,

Я избираю путь, что ты избрал.

Исход покажет, кто из нас был прав,

Но я тебе заране говорю:

Лишь ты от дома этого отъедешь,

Как станет сердце звать тебя назад.

Упрямство будет гнать тебя вперед,

Тоска, смущенье в Риме ждуг тебя,

И здесь и там ты не достигнешь цели.

Я это говорю не для совета,

Я лишь предупреждаю наперед

О том, что будет, приглашая

Мне доверять, когда придет беда.

Я князю передам твоё желанье.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тассо

(один)

Иди, иди и будь уверен в том,

Что можешь убедить меня, в чем хочешь.

Учусь я притворяться и в тебе

Учителя великого имену.

Так нас казаться заставляет жизнь

Таковыми же, как те, кого бы в праве

Мы гордо презирать. Как ясно мне

Искусство все придворной паутины!

Антонио меня прогнать желает,

Но этого не хочет показать.

Он мудреца разыгрывает роль,

Чтобы меня нашли больным, неловким,

Он представляется опекуном,

Чтоб, как ребенка, унижать того,

Кого нельзя принудить, как слугу.

Так он туманит княжеские взоры.

Я все же нужен, — рассуждает он,

Природа мне дала прекрасный дар,

Но слабостями многими, к прискорбью,

Она сопроводила дар высокий:

Неукротимой гордостью, чрезмерной

Чувствительностью, сумрачным умом.

Иначе быть не может: только раз

Природа образует человека,

И мы должны таким, каков он есть,

Его терпеть; быть может, в добрый час

Делить его восторги с наслажденьем,

Как выигрыш нечаянный, а впрочем,

Каким однажды он на свет родился,

Его оставить жить и умереть.

Могу ль узнать Альфонса твердый дух?

Узнать того, кто верно охраняет

Своих друзей, непримирим к врагам?

Я только узнаю мое несчастье.

Да, это жребий мой, чтоб для меня

Менялся каждый, — кто для всех других

Неколебимо верен, изменялся

Мгновенно от дыханья ветерка.

Иль человека этого приход

Мою судьбу мгновенно не разрушил?

Не он ли зданье счастья моего

С его основ глубоких опрокинул?

Ужель мне нынче это испытать?

Как все ко мне теснились, так теперь

Все бросили меня; как раньше каждый

Стремился жадно мною завладеть,

Так все меня отталкивают прочь,

И почему? Ужели он один

Меня лишил любви и уваженья,

Которыми я щедро обладал?

Все от меня бежит. И ты! И ты!

Уходишь ты, любимая княжна!

Она мне в эти скорбные часы

Не подала расположенья знак.

Того ли заслужил я? Так привыкла

Моя душа пред ней благоговеть,

Когда я слышал голос, наполнявший

Невыразимым чувством грудь мою!

Когда ее я видел, ясный свет

Темнел в глазах, влекли неудержимо

Меня к себе ее глаза, уста,

Колени подгибались, собирал

Я силы духа все, чтоб не упасть

К ее ногам, и это опьяненье

Едва я мог рассеять. Но теперь

Будь крепким, сердце! Ты, мой ясный ум,

Не дай себя туманить! И она!

Я говорю, и сам едва я верю.

Я верю и хотел бы умолчать.

Да, и она! Прости ее, но правды

Не закрывай: да, и она, она!

О, это слово я б не произнес,

Пока во мне дыханье веры живо.

Да, это слово — приговор судьбы,

На гробовой доске моих мучений

Ее рукой иссеченный в конце.

Мои враги окрепли в первый раз,

И силу я навеки потерял.

Как воевать, когда средь вражьей рати

Стоит она? Откуда взять терпенье,

Когда она мне не подаст руки

И взор ее моя мольба не встретит?

Об этом думал я и говорил,

И это оправдалось слишком скоро!

И прежде чем отчаянье когтями

Тебе на части душу разорвет,

Оплакивай лишь горький жребий свой

И только повторяй: да, и она!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

САД

Альфонс. Антонио.

Антонио

Вторично по желанью твоему

Я Тассо посетил, я — от него.

Настойчиво его я убеждал,

Но он не оставляет прежних мыслей

И страстно просит, чтоб уехать в Рим

Ты на короткий срок ему позволил.

Альфонс

Досадно мне тебе сознаться в этом,

Но лучше это мне тебе сказать,

Чем скрытностью усиливать досаду.

Он хочет ехать — хорошо, его

Я не держу, он хочет в Рим — пускай!

Но только б у меня его не взял

Лукавый Медичи или Гонзага!

Что сделало Италию великой,

За что сосед с своим соседом спорит,

Есть обладанье лучшими людьми.

Вождем без войска кажется мне князь,

Который не собрал к себе таланты,

И кто не внемлет голосу поэтов,

Тот только варвар, кем бы ни был он.

Я этого нашел, избрал себе,

И я горжусь им, как моим слугой.

И раз я много сделал для него,
Его утратить было бы мне больно.

Антонио

В смущенье я, ведь все ж лежит на мне
Вина за то, что нынче здесь случилось,
В моем грехе признаться я хочу,
И дело милости твоей — простить,
Но если бы ты думал, что не все
Использовал я средства к примиренью,
Я был бы безутешен. О, скажи

Мне ласковое слово, чтоб я снова
Пришел в себя и доверял себе!

Альфонс

Антонио, ты можешь быть спокоен,
Я здесь не нахожу твоей вины,
Я знаю хорошо его характер
И слишком знаю то, что сделал я,
Как пощадил его, как все забыл,
Что от него, по правде говоря,
Я мог бы требовать. Ведь человек
Господствует над многим, дух его
Ни времени, ни горю не подвластен.

Антонио

Коль многие хлопочут об одном,
То не мешало б и ему подумать
О том, чтоб пользу принести другим.
Кто так усовершенствовал свой дух,
Кто знаниями всеми овладел,
Которые позволено постигнуть,
Не вдвое ли обязан над собой
Господствовать? Он думает об этом?

Альфонс

Должны мы никогда не знать покоя!
Когда мы мним отдаться наслажденью,
Для храбрости нам дан бывает враг
И друг для упражнения в терпенье.

Антонио

А первый человека долг — разумно

Себе питье и пищу выбирать

(Ведь этим и отличен он от зверя) —

Он исполняет? Нет, но, как дитя,

Он любит все приятное для вкуса.

Когда водой он разбавлял вино?

Но пряности и крепкие напитки

Глотает он одно вслед за другим

И жалуется после на тоску,

Горячность крови, бурный свой характер

И лишь бранит природу и судьбу.

Я видел часто, как он безрассудно

И злобно спорит с лекарем своим.

Ведь это — смех, коли смеяться можно

Над тем, что мучит и его и всех.

«Мне больно здесь, — он говорит с испугом. —

Коль хвалитесь своим искусством вы,

То помогите!» Отвечает врач:

«Не делайте того-то». — «Не могу».

«Питье примите». — «Нет, оно противно,

Моя природа им возмущена».

«Так выпейте воды». — «О, никогда!

Боюсь воды, как бешеный!» — «Итак,

Я не могу помочь вам». — «Почему?»

«Одна болезнь усилится другими,

И если вас они не умертвят,

То будут больше мучить с каждым днем».

«Прекрасно. Для чего ж ты врач? Ты знаешь

Мою болезнь и должен средства знать

Приятные, чтоб не страдал я вновь,

От прежнего страданья избавляясь»,

Смеешься ты, но это правда все,

Из уст его ты, верно, это слышал.

Альфонс

Я часто это слышал и прощал.

Антонио

Конечно, неумеренная жизнь

Нам посылает тягостные сны

И в ясный день нас заставляет грезить.

Не греза ль — подозрительность его?

Он думает, что окружен врагами,

Куда б ни шел. Его талант никто

Без зависти не может видеть, зависть

Родит преследованье и вражду.

Так жалобами докучал он часто.

Ведь взломы, перехваченные письма,

Кинжал и яд мерещатся ему.

Ты это все исследовать велел

И что ж нашел? Ни тени, ни следа,

Он не спокоен под охраной князя,

Не радостен на дружеской груди.

И ты ему покоя, счастья хочешь

И радости желаешь от него?

Альфонс

Ты был бы прав, Антонио, когда б

Я в нем искал моей ближайшей пользы!

Но польза для меня и в том, что я

Не жду прямых и безусловных выгод.

Ведь все не одинаково нам служит:

Кто пользуется многими, тот каждым

Владеет на особый образец.

Так научил нас Медичи пример,

И это сами папы показали.

Как снисходительно, с каким вельможным

Терпением они переносили

Великие таланты, что, казалось,

В их щедрой благостыне не нуждались!

Антонио

Кто этого не знает? Только опыт

Ценить нас учит блага этой жизни.

Он слишком рано многого достиг,

Чтобы уметь довольно наслаждаться,

О, если б он в борьбе приобретал

То, что обильно щедрыми руками

Ему дарят, он силы бы напряг

И делался счастливей с каждым шагом.

Ведь бедный дворянин уже достиг

Своих желаний цели, если князь

Его избрал, позволил быть, как другу,

С ним при дворе и кроткою рукой

Из бедности извлек. И если он

Ему дарит доверие и милость

И на войне, в беседе иль в делах

Его перед другими возвышает,

То думаю, что скромный человек

Здесь мог бы счастлив быть и благодарен.

Сверх этого всего у Тассо есть

Прекраснейшее счастье: на него

Уже глядит с надеждою отчизна.

О, верь мне: мрачные его причуды

Почиют на большой подушке счастья.

Но он идет, будь милостив к нему,

Пусть ищет он в Неаполе и в Риме

Того, чего не замечает здесь

И что лишь здесь опять найти он может.

Альфонс

Заедет он в Феррару на пути?

Антонио

Еще побыть он хочет в Бельригардо!

Необходимейшие из вещей

Ему послать он другу поручает.

Альфонс

Доволен я. Моя сестра с подругой

Вернутся скоро, я же буду дома

Скорее их, поехавши верхом.

Ты также, позаботившись о нем,

Последуешь за ними. Кастеляну

Скажи, что может, сколько хочет, он

Остаться в этом замке, до тех пор,

Пока друзья пришлют ему пожитки

И я ему отправлю письма в Рим

Для передачи. Он идет! Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альфонс. Тассо.

Тассо

(сдержанно)

Передо мной сегодня в новом свете

Явилось милосердие твое:

Ты мне простил, что я перед тобой

Так безрассудно, дерзко поступил,

Ты примирил противника со мной,

Ты позволяешь на короткий срок

Уехать мне и милости твои

Желаешь сохранить великодушно.

Я расстаюсь, исполнен упования,

Надеясь исцелиться в краткий срок

Ото всего, чем удручен теперь.

Мой дух по-новому воспрянуть должен,

И на пути, которым шел я смело,

Твоим приветным взглядом ободрен,

Я буду вновь твоих щедрот достоин.

Альфонс

Тебе желаю счастья в пути,

Надеюсь я, что весел и здоров

Ты возвратишься и тогда вдвойне

За каждый час, который отнимаешь

Теперь у нас, достойно наградишь.

К моим друзьям, которых много в Риме,

Я письма дам тебе, и я хочу,

Чтобы ты мог доверчиво везде

Себя держать с моими, я тебя

И в отдалении моим считаю.

Тассо

Ты осыпаешь милостями, князь,

Того, кто недостойн, кто не смеет

Тебя сейчас за них благодарить.

Не благодарность выслушай, а просьбу!

Моя поэма у меня на сердце.

Я поработал много, не берег

Труда и сил, но много остается

Доделать мне. Я мог бы там, где дух

Мужей великих до сих пор парит,

И действительно парит, там мог бы в школу

Я снова поступить, чтобы достойной

Твоих похвал моя явилась песнь.

Дай мне назад листы, в твоих руках

Незрелый труд, которого мне стыдно!

Альфонс

Ты у меня сегодня не отнимешь

То, что сегодня только преподнес?

Дай меж тобою и твоим трудом

Мне быть посредником! Остерегись

Сухой работой оскорбить природу,

Которая живет в твоих стихах,

И не внимай со всех сторон советам!

Ведь отзывы бесчисленные многих

Людей различных, что друг другу все

Противоречат в мнениях и в жизни,

Поэт в одно соединяет, не страшась,

Что многим он не угодит, чтоб многим

Тем больше угодить. Не говорю,

Что ты не должен скромно кое-где

Отшлифовать свое произведение;

Я обещаю тотчас, в краткий срок

Тебе вручить с твоей поэмы список.

Но рукопись твоя должна остаться

В моих руках, чтоб с сестрами моими

Я радовался ей, а если ты

Ее усовершенствуешь, мы больше

Получим радости и, как друзья,

На слабые места тебе укажем.

Тассо

Я лишь смущенно повторяю просьбу:

Скорее дай мне копию, теперь

Я всей душой в моем произведении.

Пусть станет тем оно, чем может стать.

Альфонс

Я одобряю твой порыв! Однако,
Мой добрый Тассо, было б хорошо
Тебе свободной жизнью насладиться
На краткий срок, немного поразвлечься,
Улучшить кровь лечением. Тогда
Гармония восстановленных сил
Тебе в готовом виде даст все то,
Что ты напрасно ищешь смутным чувством.

Тассо

Так кажется, мой князь, но я здоров,
Когда могу отдать себя труду,
И труд здоровым делает меня.
Меня ты видел долго, не люблю
Я роскоши свободной, и покой
Не отдых для меня. Моя душа
Не для того назначена природой,
Чтоб на ладье веселых, мирных дней
В простор времен безбрежный уноситься.

Альфонс

Ты всеми мыслями влечешься в глубь
Своей души. Хоть окружает нас
Большая бездна, вырытая роком,
Но глубже та, что скрыта в нашем сердце,
И кинуться в нее бывает сладко,
О, оторвись от самого себя!
И пусть поэт уступит человеку.

Тассо

Напрасно я смиряю мой порыв
И день и ночь в груди попеременно.
Когда я не могу слагать стихи
Иль размышлять, мне больше жизнь — не в жизнь.
Кто шелковичному червю пред смертью
Прясти его одежду запретит?
Он выпрягает дорогую ткань
Из недр своих и бросит труд не прежде,
Чем заключит себя в своей гробнице,
О, пусть и нам дарует добрый бог

Завидный жребий этого червя,

Чтоб радостно и быстро развернуть

Крыла в долине солнечной!

Альфонс

Послушай!

Двойное наслажденье жизнью ты

Даруешь многим, научись же сам

Знать цену жизни, пользуешься ею

Ты в десять раз богаче их. Прощай!

И чем скорей вернешься ты назад,

Тем более тебе мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тассо

(один)

Ты поступаешь правильно, крепись,

Моя душа, хоть было тяжело

Учиться мне притворству в первый раз!

Ты здесь услышал не его слова

И чувства. Мне казалось, что опять

Антонио я различаю голос.

Будь осторожен! Ты со всех сторон

Теперь его услышишь. Лишь крепись!

Притворствоваться осталось только миг.

Кто поздно в жизни притворяться стал,

Того считают честным наперед.

Пойдет на лад, лишь упражняйся с ними.

(После паузы.)

Ты слишком рано стал торжествовать!

Она идет, прекрасная княжна!

О, что со мной! Она идет, и в сердце

Все подозренья разрешились в скорбь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Принцесса. Тассо. К концу явления — прочие.

Принцесса

Ты хочешь нас покинуть иль еще

Останешься немного в Бельригуардо

И лишь тогда от нас уедешь, Тассо?

Надеюсь я, что на короткий срок

Ты едешь в Рим?

Тассо

Я направляю путь

Туда сначала. Если благосклонно

Меня друзья там примут, как могу

Надеяться, с терпением и старанием

Я, может быть, закончу труд мой там,

Где люди собрались, учителями

Слывущие во всех родах искусств.

И разве же в столице мировой

Не говорит нам громко каждый камень?

Там манят нас в своем величье строгом

Не тысячи ль немых учителей?

И если там не кончу я поэму,

То никогда не кончу. Ах, уже

Я чувствую, мне счастья нет ни в чем!

Я изменить могу, но не закончить,

Я чувствую, великое искусство,

Что всех питает и здоровый дух

Крепит и освежает, беспощадно

Меня погубит. Я уеду прочь!

Скорей в Неаполь!

Принцесса

Ты дерзнешь на это?

Ведь в силе приговор, что на изгнание

Обрек тебя и твоего отца.

Тассо

Уж я об этом думал, ты права.

Но я переоденусь пилигримом

Иль буду в бедном платье пастуха.

Я проберусь чрез город, где движенье

Народных тысяч скроет одного.

Я поспешу на берег, там найду

Челнок с людьми, что ездили на рынок,

Теперь же возвращаются домой

С крестьянами из моего Сорренто.

Ведь надо мне в Сорренто поспешать,

Там у меня сестра, она со мною

Утехою родителей была

В их горестях. Я буду плыть безмолвно,

Вступлю на берег, тихо я пойду

Родной тропой и у ворот спрошу:

«Где здесь живет Корнелия? Скажите!

Корнелия Серзале?»» Благоклонно

Прядильщица мне улицу укажет

И дом ее. Я дальше поднимусь.

Вот выбегают дети, с изумленьем

На трепаного, мрачного пришельца

Они глядят. Вот у порога я.

Открыты двери, я вступаю в дом...

Принцесса

Опомнись, Тассо! Что ты говоришь?

Пойми, в какую ты зашел опасность!

Щажу тебя, иначе бы сказала:

Ужель ты благородно говоришь?

Ужели благородно думать только

Лишь о себе и огорчать друзей?

Иль от тебя сокрыто, как мой брат,

Как мы с сестрой тебя ценить умеем?

Ты это не почувствовал? Не знал?

Ужели все мгновенно изменилось?

О Тассо! Если хочешь ты уйти,

Не оставляй нам скорби и кручины.

Тассо отворачивается.

Как утешительно бывает другу,

Что уезжает на короткий срок,

Подарок сделать маленький, будь это

Оружье только или новый плащ!

Но ничего дарить тебе нельзя:

Ты все бросаешь прочь, чем обладаешь.

Ты черный плащ и посох пилигрима

Избрал и добровольным бедняком

Идешь в свой путь, лишая нас того,

Чем только с нами мог бы наслаждаться.

Тассо

Меня совсем ты оттолкнуть не хочешь?

О, утешенья сладкие слова! Храни меня!

Возьми под свой покров!

Здесь, в Бельригардо, ты оставь меня,

Отправь в Консондоли, куда захочешь!

У князя много чудных замков есть

И много есть садов, что целый год

Стоят пустыми, разве только на день

Вы ездите туда, на час, быть может.

Да, выбери мне самый дальний, где

Вы не были годами, что теперь

В пренебреженье, может быть, заглох.

Туда меня пошлите! Как хочу

Я о твоих заботиться деревьях!

По осени закутывать лимоны

Тесинами и вязью тростниковой.

Пускай цветы прекрасные на грядках

Свой корень пустят; чисты и красивы

Пусть будут все местечки и тропы.

Мне предоставь и о дворце заботу!

Я своевременно раскрою окна,

Чтобы картин не повредила сырость;

Со стен, украшенных изящной лепкой,

Я осторожно буду пыль стряхать.

Должны полы блестеть светло и чисто,

На месте быть кирпич и каждый камень,

Нигде травинка не пробьется в щелях!

Принцесса

Я в сердце не могу найти совета

И утешенья для тебя и... нас.

Смотрю кругом, ища, чтоб некий бог

Нам помощь оказал, открыл бы мне

Целительное зелье иль напиток,

Что принесли бы мир тебе и нам.

Не действуют уж более — увы! —

Слова, с моих слетающие уст.

Тебя должна оставить я, но сердце

Тебя не может бросить.

Тассо

Боги! Боги!

Она ль с тобой так нежно говорит?

Ты в сердце благородном сомневался?

Возможно ль, чтоб в присутствии ее

Ты был унынием порабощен?

Нет, это ты! Я стал самим собою.

О, продолжай и дай мне услышать

Из уст твоих целительное слово!

О, говори! Что должен делать я,

Чтоб мог простить меня твой брат, чтоб ты

Сама меня простила, чтобы вашим

Могли меня по-прежнему считать

Вы с радостью? Ответь же мне, скажи!

Принцесса

Мы от тебя немного желаем,

И все ж великим кажется оно.

Ты сам нам должен дружески отжаться.

Не надо нам, чтобы ты стал другим,

Когда в согласие ты с самим собой.

Мы радуемся радостью твоей,

Нам грустно, если ты ее бежишь,

И если мы с тобой нетерпеливы,

То это оттого, что мы желаем

Тебе помочь, но этого нельзя,

Когда ты сам отталкиваешь руку,

Протянутую с ласкою к тебе.

Тассо

Ты — та ж, какой явилась в первый раз

Небесным ангелом навстречу мне!

Прости печальным взорам смертного,

Коль он не узнает тебя на миг.

Он вновь узнал! Открылась вся душа,

Чтоб лишь одну тебя любить навеки.

Сейчас все сердце полно нежностью...

Что чувствую! Она передо мной!

Безумие ль влечет меня к тебе?

Иль в первый раз высокая мечта

Чистейшую охватывает правду?

Да, это чувство, что меня одно

Счастливым может сделать на земле

И жалким сделало, когда ему

Сопротивлялся я, хотел из сердца

Его изгнать. Я думал эту страсть

Преодолеть, боролся с самой глубиной

Моей души, и дерзко разрушал

Я суть свою, с которой ты слита...

Принцесса

Когда тебя должна я слушать, Тассо,

Умерь свой пыл, пугающий меня.

Тассо

Как может кубок удержать вино,

Когда оно чрез край клокочет в пене?

Ты каждым словом множишь мой восторг,

И все светлей твои глаза сияют!

Я весь до дна души преобразился,

Избавился от всех моих мучений,

Через тебя свободен я, как бог!

Владеют мной с невыразимой силой

Твои уста; ты сделала меня

Всего твоим, и не принадлежит

Мне ничего из собственного «я».

Мой взор померк в блаженстве и в лучах,

Колелблется мой ум. Едва стою,

Меня к тебе влечет неодолимо,

Неудержимо рвусь к тебе душой.

Ты сделала меня твоим навеки,

Итак, прими все существо мое!

(Падает в ее объятия и крепко прижимает ее к себе.)

Принцесса

(отталкивает его от себя, бросаясь в сторону)

Прочь!

Леонора

(которая уже немного ранее показалась в глубине сцены, подбегая) Что случилось? Тассо! Тассо!

(Уходит за принцессой.)

Тассо

(намереваясь за ними следовать)

Боже!

Альфонс

(который уже некоторое время приближался с Антонио)

Держите крепче! Он сошел с ума.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тассо. Антонио.

Антонио

Стой здесь твой враг, — ты думаешь всегда,

Что окружен кольцом врагов, — о, как бы

Теперь он мог торжествовать! Несчастный!

Едва-едва я прихожу в себя!

Когда нежданное случится с нами

И необычное увидит взор,

Наш дух немеет на одно мгновенье,

И с этим ничего нельзя сравнить.

Тассо

(после долгой паузы)

Исполни же обязанность свою!

Я вижу, это ты! Доверье князя

Ты заслужил, так истязуй меня,

Раз я обезоружен, истязуй

Медлительно, до смерти! Острие

Вонзай мне в грудь, дай чувствовать железо,

Что рвет мне плоть!

Ты — верное орудие тирана;

Его тюремщик, будь же палачом!

О, как к лицу тебе то и другое!

(За сцену.)

Иди, тиран! Ты до конца не мог

Притворства выдержать, так торжествуй же!

Ты хорошо умел сковать раба

Для медленных, изысканных мучений,

Тебя я ненавижу, уходи!

Какое мне внушает отвращенье

Твой беззаконный, дерзкий произвол!

(После паузы.)

Итак, себя я вижу под конец

Отвергнутым и проклятым, как нищий:

Меня украсили и увенчали,

Чтобы вести, как жертву, к алтарю.

Единственную собственность мою,

Мою поэму льстивыми словами

Они сумели выманить и держат!

У вас в руках — единственный мой клад,

Что придавал мне цену: ведь поэмой

Я мог себя от голода спасти!

Вот почему я должен праздным быть.

Здесь заговор, и ты его глава.

Чтоб песнь моя неконченной осталась,

Замолкла слава, сотни недостатков

Могли найти завистники мои,

Чтоб, наконец, меня совсем забыли, —

Вот для чего советуют мне праздность,

Вот для чего себя беречь я должен.

О, верная заботливость и дружба!

Мне гнусным представлялся заговор,

Сплетавшийся незримо вокруг меня,

Но он еще гнуснее, чем я думал.

А ты, сирена, что влекла меня

С такой небесной нежностью, теперь

Тебя я вижу всю! Зачем так поздно!

Ах, любим мы обманывать себя,

Порочных чтить в ответ на их почтение,

Ведь людям знать друг друга не дано,

Друг друга знают лишь рабы галер,

Что чахнут на одной скамье в оковах;

Где ни потребовать никто не может,

Ни потерять, друг друга знают там,

Где каждый плутом чувствует себя

И может всех других считать за плута.

Но мы других не узнаем учтиво,

Чтоб и они не узнавали нас.

Как долго закрывал священный образ

Прелестницу ничтожную! Теперь

Упала маска: вижу я Армиду,

Утратившую чары. Вот кто ты!

Предугадал тебя в моей я песне!

А хитрая посредница ее!

Как унижалась предо мной она!

Я слышу шелест вкрадчивой походки,

Я знаю цель, куда она ползла.

Я всех вас знаю! Будет! Пусть несчастье

Меня всего лишает, все ж ему

Я радуюсь: оно научит правде.

Антонио

Я с изумленьем слушаю тебя.

Я знаю, Тассо, как твой быстрый дух

Коледблется в две стороны. Опомнись

И яростью безумной овладей!

Ты произносишь резкие слова,

Что можно бы простить твоим скорбям.

Но сам себе ты их простить не можешь.

Тассо

Не говори мне кротким языком,

Разумных слов я не желаю слышать!

Оставь глухое счастье мне, чтоб я,

Опамятовавшись, не сошел с ума.

Я раздроблен до глубины костей,

Живу, чтоб это чувствовать, охвачен

Отчаяньем, и в вихре адских мук,

Которые меня уничтожают,

Моя хула лишь слабый боли стон.

Я прочь хочу! И если честен ты,

То помоги мне выбраться отсюда!

Антонио

Тебя я в этом горе не покину.

И если ты не властен над собой,

То я не ослабел в моем терпенье.

Тассо

Итак, тебе я должен в плен отдаться?

Я отдаюсь, и это решено.

Я не противлюсь, лучше будет так —

И повторяю я себе со скорбью:

Прекрасно было то, что ты утратил.

Они уехали — о, боже! Вижу

Я пыль от экипажей, впереди

Несутся всадники... Их нет, их нет!

Они умчались! Если бы я мог

За ними вслед! Они умчались в гнев.

О, если бы я мог припасть хоть раз

К его руке, проститься пред разлукой,

Хоть раз сказать: «Простите!» И услышать

Еще хоть раз: «Иди, все прощено!»

Но никогда я это не услышу...

О, я уйду! Лишь дайте мне проститься,

Проститься! Дайте снова хоть на миг

Увидеть вас, и, может быть, тогда

Я выздоровлю вновь. Нет, я отвергнут,

Я изгнан, и себя изгнал я сам.

Я не услышу больше этот голос

И этот взор уж больше никогда

Не повстречаю...

Антонио

Пусть тебя ободрит голос мужа,

Что близ тебя растроганный стоит!

Не так несчастен ты, как представляешь.

Мужайся же! Не уступай себе.

Тассо

А так ли я несчастен, как кажуся?

И так ли слаб, как пред тобой являюсь?

Ужели все я потерял и скорбь

Уж превратила, как землетрясение,

Весь дом лишь в груды мусора и пыли?

Иль не осталось у меня таланта,

Чтоб поддержать меня и дать забвенье?

И неужель угасла сила вся

В моей груди? Ужель я стал теперь

Совсем ничтожным?

Нет, это так, и я теперь — ничто,

Ее утратив, я себя утратил!

Антонио

Когда всего себя ты потерял,

Сравни себя с другим! Познай себя!

Тассо

Ты вовремя об этом мне напомнил!

Поможет ли истории пример?

Могу ль себе представить человека,

Что более, чем я, перестрадал,

Чтоб, с ним сравнив, я овладел собою?

Нет, все ушло! Осталось лишь одно:

Нам слез ручьи природа даровала

И скорби крик, когда уже терпеть

Не может человек. А мне в придачу

Она дала мелодиями песен

Оплакивать всю горя глубину:

И если человек в страданиях нем,

Мне бог дает поведать, как я стражду.

Антонио подходит к нему и берет его за руку.

Стоишь ты твердо, благородный муж,

А я — волна, колеблемая бурей,

Но силою своею не кичись!

Та самая могучая природа,

Что создала незыблемый утес,

Дала волне мятежное движенье.

Пошлет природа бурю, и волна

Бежит, вздымается и гнется в пене.

В ней отражались солнце и лазурь

Прекрасные, и звезды почивали

В ее так нежно зыблющемся лоне.

Но блеск исчез, и убежал покой.

Я более себя не узнаю

И не стыжусь себе признаться в ртом.

Разломан руль, и мой корабль трещит

Со всех сторон. Рассевшееся дно

Уходит из-под ног моих! Тебя

Обеими руками обнимаю!

Так корабельщик крепко за утес

Цепляется, где должен был разбиться.

Комментарии

Жизнь великого итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595) была весьма драматична. Он прославился поэмой «Освобожденный Иерусалим» (1575), посвященной одному из походов крестоносцев для освобождения гроба господня. Изумительная по красочности событий, блестящая по стихотворной технике, она, наряду с «Неистовым Орландо» его предшественника Лодовико Ариосто (1474–1533), была воспринята народом как своего рода национальный эпос. Гете слышал в Венеции, как гондольеры распевали строфы из поэмы Тассо.

Жизненная драма Тассо состояла в том, что, будучи незаурядной личностью, он уже не мог мириться с зависимым положением. Поэты во времена Тассо зависели от покровительства и денежной поддержки знатных меценатов. Тассо пытался прижиться во дворах разных итальянских государей, — так, длительное время он был связан с герцогом Феррары Альфонсом II. Крайняя возбудимость поэта не ставила его в трудное положение и приводила к конфликтам с окружающими, не обходилось и без интриг завистников. Он навлек на себя домашний арест, заточение в монастырь, но бежал; однако в 1570 году открытое недовольство, выраженное им, вызвало гнев Альфонса II. По приказу герцога поэт был помещен в дом для умалишенных, где он провел семь лет. Освобожденный в 1586 году, он принял покровительство герцога Мантуи, но болезненное состояние не давало ему покоя, он переезжал из одного города в другой, пока слабое здоровье не сдало совсем. Папа Клемент VIII назначил дату коронавания Тассо лавровым венком в честь его заслуг, но поэт не дожил до этого торжества.

Вокруг имени Тассо уже при его жизни стали складываться легенды. Среди прочего возникла поэтическая легенда о его любви к принцессе Леоноре д'Эсте, которой он посвящал стихи. Так как положение принцессы лишало Тассо возможности открыто изъявлять чувства, считалось, что предметом его поклонения является графиня Леонора Санвитале или другая придворная дама, которую также звали Леонорой. Враг Тассо будто бы разоблачил тайную любовь поэта и принцессы, произошла дуэль, в которой Тассо победил, после чего его якобы и заточили в монастырь.

Этот и некоторые другие вымыслы, придававшие романтическую окраску жизнеописанию автора «Освобожденного Иерусалима», вошли в первые биографии поэта. Гете еще мальчиком прочитал в отцовской библиотеке перевод поэмы Тассо и там же мог узнать его биографию. Мысль написать о нем драму возникла, однако, только в Веймаре, в 1780 году, и вскоре Гете написал два акта. Продолжил работу над драмой он лишь в Италии и закончил ее после возвращения в Веймар, в 1789 году. Впервые эта драма была напечатана в томе 6 восьмитомного Собрания сочинений Гете (1790). Против постановки ее на сцене в Веймаре Гете сначала возражал, и она была поставлена лишь в феврале 1807 года.

«Торквато Тассо» является исторической драмой в той же мере, в какой и «Эгмонт» или «Гец». Гете воспользовался личностью итальянского поэта и его судьбой для того, чтобы выразить то, что волновало его самого. Много лет спустя секретарь Гете Эккерман спросил его, какую идею он хотел выразить в «Торквато Тассо». «Идею? — спросил Гете. — Да почему я знаю? Передо мной была жизнь Тассо, передо мной была моя собственная жизнь, и когда я слил вместе жизни этих двух столь удивительных людей, со всеми их особенностями, во мне возник образ Тассо, которому я, в качестве прозаического контраста, противопоставил Антонио, причем и для этого последнего у меня не было недостатка в образцах. Прочие придворные, житейские и любовные отношения можно было взять как в Веймаре, так и в Ферраре, и я могу с полным правом сказать о моем произведении: это кость от кости моей, плоть от плоти моей» (6 мая 1827 г.).

Гете не мог в непосредственной форме воспроизвести биографию Тассо, ибо в подлинном виде конфликт Тассо и Альфонса II мог быть воспринят как отражение отношений между Гете и веймарским герцогом. Первое, что пришлось сделать, — преобразить феррарского герцога: он превратился у Гете в гуманного и мудрого правителя. Социальный конфликт тем самым был снят, Гете перенес драматизм в иную плоскость. Он сделал центральной проблемой творческой личности в окружающем мире, или, как сформулировал это он сам,

«диспропорцию между талантом и жизнью» (слова Гете, процитированные Каролиной Гердер в письме мужу от 20 марта 1789 г.).

Этот конфликт воплощен в противопоставлении Тассо и Антонио. В биографиях Тассо упоминается, что среди его врагов при феррарском дворе был государственный секретарь Антонио Монтекатино, обвинивший поэта в незаконных сношениях с флорентийскими правителями Медичи. Точно так же, как Гете облагородил герцога, так он придал Антонио черты сдержанного и мудрого человека. Тассо порывист, открытен, зачастую несдержан в чувствах и выражении. Антонио воплощает здравый смысл, житейский опыт и рассудок. Подобный конфликт уже был освещен Гете в «Эгмонте», где сходным является контраст между Эгмонтом и Вильгельмом Оранским. Проблема взаимоотношений поэта и общества, творческой фантазии и житейской пользы всегда волновала Гете, и он выразил свое мнение о возможном ее решении в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера»: «Только вся совокупность людей составляет человечество, только все силы, взятые вместе, составляют мир. Между собой они часто приходят в столкновение и стремятся уничтожить друг друга, но природа связует их и воссоздает снова... Если кто-то способствует только прекрасному, а другой только полезному, они лишь вместе составят человека. Полезное помогает само себе, ибо оно зарождается в гуще народа и никто без него не обходится, прекрасное же требует помощи, ибо немногие творят его, а нуждаются в нем многие» (кн. 8).

Значительное место в фабуле драмы занимает любовь Тассо к принцессе, в образе которой находят черты и веймарской герцогини Луизы, и возлюбленной Гете Шарлотты фон Штейн.

Наконец, следует отметить, что, меняя реальные обстоятельства биографии Тассо, Гете произвел также сдвиг во времени действия. Он воссоздал в своей драме атмосферу зрелого Возрождения с его преобладанием светских интересов, высокой культуры и стремлением к всестороннему духовному развитию. В действительности же Тассо творил уже в той обстановке, которая возникла в Италии после победы контрреформации и воцарившейся в стране католической реакции, сказавшейся и на творчестве поэта.

Подобно «Ифигенин в Тавриде», «Торквато Тассо» — замечательное творение в стиле нового для Гете классицизма. Действие драмы построено строго и экономно, оно вращается вокруг личности героя и лишено отклонений. Количество действующих лиц минимально. Классический колорит в особенности придает стихотворная форма драмы: она написана пятистопным нерифмованным стихом, который Гете довел до совершенства.

Народом был воздвигнут город тот... — Флоренция возвысилась как государство-коммуна, своего рода буржуазная республика, в отличие от Феррары, бывшей феодальным герцогством.

Здесь был зажжен науки чистый свет... — В XV в. Феррара была одним из первых центров новой гуманистической культуры.

Геркулес Эсте (д'Эсте) — феррарский герцог, собравший вокруг себя известных художников, поэтов и ученых, которым он покровительствовал. Умер в 1505 г.

...Ипполитом полон был мой слух. — Кардинал Ипполит д'Эсте покровительствовал поэту Ариосто; построил знаменитую виллу Эсте в Тиволи (под Римом).

...Где был Петрарка принят и любим... — Великий итальянский поэт и родоначальник гуманизма эпохи Возрождения Франческо Петрарка (1304–1374) введен здесь для усиления атмосферы покровительства талантам; в действительности он в Ферраре не бывал. Ариосто же долго жил и умер в Ферраре.

...матери мы нашей // Обязаны... — Рената д'Эсте, дочь французского короля Людовика XII, жена Геркулеса II, была образованной женщиной и покровительствовала деятелям искусства.

Сестра Лукреция. — Лукреция д'Эсте после несчастливого брака с герцогом Урбино вернулась в Феррару.

...умный спор... — В подражание античным философским дискуссиям, в Италии эпохи Возрождения устраивались диспуты на разные темы, основой для которых служили заранее подготовленные тезисы. Сохранились «Умозаключения о любви» Тассо, написанные для

такого спора.

...Внимать мы любим... // Стихам поэта... — Многие властители имели придворных поэтов, и при дворе устраивались их чтения. Тассо был таким поэтом в Ферраре.

...Прекрасный мирт. — Мирт — дерево, посвященное богине любви Афродите (Венере).

...Он внемлет ухом голосам природы... — Эта характеристика Тассо выражает идеал поэта, который сформировался у Гете в годы зрелости. Если культ природы был ему свойствен уже в период «Бури и натиска», то новым элементом является принцип облагораживания поэтического изображения, в отличие от былой непосредственности. Леонора подчеркивает в образе Тассо силу и свободу его поэтического воображения, принцесса в следующей речи говорит о связи его творчества с действительностью.

Прекрасные стихи, что мы находим // Привешенными на деревьях наших... — Обычай, принятый в придворных кругах эпохи Возрождения. Ср. комедию Шекспира «Бесплодные усилия любви».

...Платона ученица... — Предшествующая речь Леоноры содержит изложение понимания любви в духе древнегреческого философа Платона (V в. до н. э.) как любви духовной, стоящей выше чувственных влечений.

...Питает подозренье... — Тассо действительно был подозрителен, более того, видимо, страдал манией преследования. Известно, что, подозревая слугу в подслушивании, поэт бросился на него с ножом.

Я думаю, что труд его закончен. — Речь идет о поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим», работа над которой была завершена в апреле 1575 г. В это время и происходит действие пьесы Гете.

...Когда б могли мы вылечить его... — Вопрос о психическом состоянии Тассо является предметом спора между учеными. Свидетельства современников говорят о его повышенной чувствительности, возбудимости, но мнение о его безумии оспаривается. Помещенный в больницу для умалишенных по приказанию герцога, поэт продолжал творить и создал произведения, которые достойны его дарования и не несут следов болезни.

...Родителей возлюбленных беда. — Отец поэта Бернардо Тассо (также писавший стихи) был изгнан из Неаполя; мать, оставшаяся там, вскоре умерла.

Веденье // Умелое войны... — Описывая в своей поэме битвы, Тассо действительно пользовался советами Альфонса II.

...знак, почетный для певца... — Обычай венчать лавровым венком поэтов возник в Древней Греции, был перенят римлянами и возрожден в Италии, где в 1341 г. впервые увенчали лаврами Франческо Петрарку.

...созерца // Двоих мужей... — Тассо имеет в виду, что творческая мысль Гомера была постоянно занята двумя героями его поэм — Ахиллом и Одиссеем.

Григорий чтит тебя... — Римский папа Григорий XIII проводил крайне реакционную политику и имел дружественные отношения с Альфонсом Феррарским. Для драмы Гете подлинный характер обоих деятелей и их политический союз значения не имеет.

И, отдавая пограничный край... — Никакой территории Григорий XIII феррарскому герцогу не уступал.

А много ли он сделал для родных? — Вопрос Леоноры имеет иронический характер, так как всякий новый папа, вступая на престол, тут же раздавал выгодные должности родственникам.

...венком из зелени дубовой... — Если поэтов венчали лавровым венком, то государственных деятелей — венком из дубовых листьев.

...Иерусалим для нас завоевал он // И посрамил всех новых христиан... — Взятие Иерусалима крестоносцами в 1099 г. описано в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим». Григорий XIII призывал организовать новый крестовый поход, но поддержки не нашел.

Лишь пришел // Я мальчиком неопытным сюда... — Тассо впервые прибыл в Феррару двадцати одного года в 1765 г.; он был тогда свидетелем брачных торжеств, сопровождавшихся турнирами.

...Впервые поднялась с одра болезни. — Эта часть рассказа соответствует действительности: Тассо сначала познакомился с Лукрецией и лишь потом с долго болевшей Леонорой.

О, век золотой! — Представление об идеальной первобытной жизни здесь выражено в духе подражания античным образцам и разительно отличается от культа природы и простой жизни в период «Бури и натиска». Монолог Тассо довольно близко воспроизводит стихи из его подлинной пасторали «Аминта»: «Век золотой, прекрасный!» и т. д. Заключительные слова монолога: «все позволено, что мило» — цитата из «Аминты».

«Позволено лишь то, что подобает». — Вольному духу поэта принцесса противопоставляет принцип ограничения, дисциплины, долга; к такому взгляду пришел и сам Гете, преодолев бунтарский индивидуализм «Бури и натиска».

...мужчина // Свободы ищет, женщина — добра. — Эта идея в разных вариантах неоднократно утверждается Гете, в частности, в первой части «Фауста»; она связана и с идеей «вечно женственного». См. также продолжение речи принцессы, где эта идея раскрывается полнее.

Армида — персонаж из «Освобожденного Иерусалима», волшебница, подвергающая рыцаря Готфрида Бульонского искушению, чтобы отвратить его от похода.

Танкредова любовь к Кларинде, верность // Эрминии... // Величие Софронии, печаль // Олинда — это не мечты, не тени. — Тассо называет героев любовных эпизодов своей поэмы; его слова о том, что они не тени, соответствуют догадке биографов, что в лице Софронии он изобразил принцессу, а Олинду — сам Тассо.

...Устами сладкими, что вешним медом // Напитаны... — По преданию, древнегреческого поэта Пиндара пчелы питали своим медом, отчего он и стал сладкоголосым.

Мне подобает здесь все, что тебе. — Эта речь Тассо выражает не только идею равенства людей, но утверждает право гения почитаться выше, чем люди, вознесенные на вершину жизни только в силу знатного происхождения. Несмотря на то, что в Веймаре Гете высоко чтили как поэта, он в силу своего бюргерского происхождения не раз испытывал уколы со стороны аристократов. В этой беседе Тассо с Антонио отражаются воспоминания о столкновениях, которые были у Гете в Веймаре с герцогским министром фон Фричем.

Оставайся дома // Под караулом собственным твоим. — Герцог действительно подверг однажды Тассо домашнему аресту.

...Когда я ехал вслед за кардиналом // Во Францию... — В 1571 г. кардинал Луиджи д'Эсте совершил поездку в Париж для переговоров с французским королем Карлом IX. Сам король просил, чтобы кардинала сопровождал Тассо, встреченный с большим почетом.

Хранили ли ее от заблуждений? — Мать принцессы, герцогиня Рената, дочь французского короля Людовика XII, отреклась от католической веры и стала последовательницей кальвинизма, за что была изгнана из Италии и умерла в изгнании во Франции в 1575 г.

Противные, двусмысленные птицы — // Старинной ночи безотрадный сонм... — Поэтический образ: упреки самому себе преследуют Тассо, как фурии преследовали Ореста в «Ифигеии в Тавриде».

Он, кто с тупым умом // Добиться мнит благоволенья муз? — По-видимому, подразумевается предшественник Антонио на посту государственного секретаря — Пинья, притязавший на звание поэта. Между ними произошла ссора из-за того, что Тассо весьма вольно воспел в стихах любовницу Пиньи. Тогда принцесса Леонора уговорила его загладить вину, и Тассо написал комментарий к бездарным песням Пиньи, преувеличенно поставив их в один ряд со стихами Петрарки.

... Там Медичи воздвигли новый дом. — Семейство д'Эсте, правившее Феррарой, принадлежало к древнейшим итальянским родам. Богачи Медичи, род флорентийских банкиров, в XV в. добились фактической власти над городом, номинально оставшимся республикой. Из рода Медичи вышли римские папы Лев X и Клемент VII, в 1574 г. Франческо Медичи был провозглашен великим герцогом Тосканским. Между Феррарой и Флоренцией были в то время враждебные отношения. Среди обвинений, выдвинутых врагами против Тассо, в частности, фигурировала тайная связь с Флоренцией.

Нам говорят поэты о копье, // Целящем им же сделанную рану... — Согласно мифам, Ахилл ранил копьем сына Геракла Телефа, и, так как рана не заживала, Телеф обратился к оракулу, изрекшему, что рану можно исцелить, если до нее дотронется тот, кто ее нанес, и тем же оружием. Тогда Ахилл ржавчиной своего меча заживил рану.

... Воззвать от сна на подвиг благородный... — Своей поэмой Тассо поддерживал призыв папы организовать новый крестовый поход.

Совет судей // Сбирает для меня Гонзага... — Бывший соученик Тассо Сципион Гонзага, ставший важным духовным лицом в Риме, получил от поэта рукопись его произведения и собрал знатоков, чтобы вынести о ней суждение. Тассо хотел такого суда, так как его постоянно упрекали в недостаточной религиозной ортодоксальности.

Лукавый Медичи — тосканский герцог Франческо I.

... Он любит все приятное для вкуса. — В описании привычек и вкусов Тассо Гете следовал «Жизнеописанию Торквато Тассо» Пьерантония Серасси (Рим, 1785).

Но я переоденусь пилигримом... — Факт, действительно имевший место, о чем рассказывают биографы поэта.

«Где здесь живет Корнелия?..» — Введя имя Корнелии, Гете почтил память своей сестры, умершей в 1777 г. двадцати семи лет.

... Итак, прими все существо мое! — Согласно преданию, Тассо будто бы публично обнял принцессу, за что и был подвергнут наказанию. Серасси отверг эту легенду, но Гете она была нужна для усиления драматизма, и он принял версию другого биографа — Лодовико Антонио Муратори, опубликовавшего жизнеописание поэта в томе 10 своего издания сочинений Тассо (1735).

... Упала маска: вижу я Армиду, // Утратившую чары. — Образ из поэмы Тассо: волшебница Армида, убедившись, что ей не обмануть рыцаря Ринальдо, вдруг преобразилась в сторукое чудовище.